

„Socialistisches Vestnik“  
„Le Courrier Socialiste“  
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti  
Socialdémocrate Russe  
141, rue Broca (bât. 11)  
PARIS (13<sup>e</sup>)

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии  
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 4.5 (432/33)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1.50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

15 Марта 1939 г.

## СОДЕРЖАНИЕ

**Передовая:** Перед с'ездом.  
**Ф. Дан.** К гибели испанской республики.  
**А. Югов.** Еще о третьей пятилетке.  
**С. Шварц.** На трудовом фронте.  
**В. Александрова.** Литературно-революционные портреты:  
3. Лидия Сейфуллина.  
**Р. Абрамович.** Может ли Германия победить в грядущей войне?

**Фельетон:** Г. Грамматикопуло. К загадкам московских процессов: На Норкина «бросают тень». — Свидетельство Кривицкого. — Судебная конференция и «подсудимые Его Величества». — Психологические мотивы на краю могилы. — Несколько соображений о пытках. — Фигуры второго процесса.

**Заграницей:** А. Штейн. Польско-германские антагонизмы. — На Совете французской социалистической партии. — Английская Рабочая Партия о Народном Фронте. — Анти-семитизм в Венгрии. — В южной Америке.

**По России:** Разгром еврейских коммунистов.

**Издания, поступившие в редакцию.**

*Extrait du Sommaire: L'éditorial sur le congrès du parti communiste en U.R.S.S. — Les articles de Th. Dan sur l'écroulement de la république espagnole; de A. Jugow sur le troisième plan quinquennal; de S. Schwarz sur les tendances antiouvrières de la nouvelle politique sociale en U.R.S.S.; de V. Alexandrova sur la littérature soviétique; de R. Abramovitch sur le livre de Fr'itz Sternberg: «La force militaire de l'Allemagne»; de A. Stein sur les antagonismes germano-polonais; de G. Grammaticopoulo sur les énigmes des procès de Moscou. — Notices sur le Conseil National du Parti Socialiste français, sur l'attitude du Labour Party envers le Front Populaire, sur l'extermination des communistes juifs en U.R.S.S., etc.*

## Перед с'ездом

Наш номер идет в печать 10 марта — в тот самый день, когда в Москве должен собраться 18-ый с'езд большевистской партии.

Свыше пяти лет прошло со времени предыдущего с'езда, на котором выступали еще и Бухарин, и Томский, и Рыков, и Пятаков, и Преображенский, и многие, многие другие, которых «уж нет». И можно поручиться, что не только по фигурам, так сказать, «первого плана», но и по составу рядовых членов своих с'езд будет коренным образом отличаться от своего предшественника: ведь за эти пять лет не только пали от руки палача или от своей собственной руки добрых девять десятых вождей «старого большевизма», но были «вычищены», исключены, сосланы, заточены сотни тысяч тех рядовых членов, которых партия вобрала в себя за дореволюционные годы и годы революции, гражданской войны и нэпа.

Но не только коренным образом изменившийся личный состав будет отличать этот с'езд от предыдущего. Достаточно оглянуться на все, что произошло в Со-

ветском Союзе за те пять лет, за которые всесильный генеральный секретарь партии не считал нужным созвать ни одного ее с'езда, чтобы увидеть, какой глубочайший переворот произошел во всей советской жизни, во всех сферах советской политики.

Если взять сферу экономики, то надо вспомнить, что 17-ый с'езд заседал, когда в силе были еще забытые ныне «хлебные карточки», и когда «Правда» и «Известия» еще с поистине лирическим подъемом воспевали «ожерелья сосисок» и «груды окороков», украшавшие витрины первых магазинов той «открытой» торговли, которая стала ныне единственной формой снабжения населения, так резко изменившей все условия заработка и жизни его. В сфере социальной шла еще «ликвидация кулаков, как класса» и лишь в туманной дали маячило то «бесклассовое общество», которое ныне объявлено осуществившимся, но упорно стремится восстановить старое пирамидальное строение общества «классового», выделяя из себя и все выше над массовым основанием социальной пирамиды

вознося на ее вершины новый слой «героев» и «знатных людей». Незачем напоминать, конечно, об «историческом» повороте в области внутренней политики — о новой, «самой демократической в мире», сталинской конституции, построенной на всеобщем, равном избирательном праве, с прямым и тайным голосованием, как и о повороте в сфере политики внешней — вступлении Советского Союза в Лигу Наций, до тех пор бывшую лишь «вертепом разбойников», как, наконец, о повороте в политике международной пролетарской, провозгласившем «единство действий» с социалистическими бывшими «главными врагами», а ныне «братьями», и поставившем все партии Коминтерна на службу делу «демократии».

Одновременно с этими поворотами в области экономической, социальной и политической, был декретирован и глубочайший идеологический поворот, славший в архив революционно-пролетарский интернационализм не только в его утопической, но и в его реалистической форме, реабилитировавший «родину» и «патриотизм» в их самом вульгарном понимании и провозгласивший партию и ее гениального вождя законными наследниками всех военачальников, князей и парей, «собиравших землю русскую», начиная от святого и благоверного князя Александра Невского.

И, наконец, за те же пять лет, и в несомненной связи со всеми выше бегло намеченными поворотами, был произведен кровавый разгром и беспощадная «чистка» не только партийных рядов, о чем выше уже упомянуто, но и всего советского аппарата — не только хозяйственного и административного, но и политико-полицейского (ГПУ!), и даже военного.

Поистине можно сказать, что за истекшие пять лет дыбом встала вся советская земля! И все это произошло без решающего участия «правлящей» и «диктаторствующей» партии! Ни единого раза не собрался за все это переломное время, на долгие годы предопределяющее судьбы страны, ее съезд! Перед актами, самым коварным образом менявшими облик советской жизни и советской политики, и она, этот мнимый «хозяин» страны, кажлый раз стояла — и притом не только в лице своей ряловой массы, но и в лице своего ЦК и даже своего Политбюро — как перед «совершившимися фактами!» Достаточно вспомнить это, чтобы понять самый существенный и сокровенный смысл собираемого ныне съезда: он напоминает о том, что старая, «ленинская» партия умерла, и труп ее не замурован рядом с мавзолеем ее создателя, а выброшен наследником этого создателя в помойную яму истории: перед нами не новый съезд этой старой партии, а первый съезд новой партии, которая по справедливости, не формально лишь, а по существу должна называться «сталинской»!

Ибо старая, «ленинская» партия, при всех авторитарных, «вождистских» принципах своих, была при рождении своем органическим и ведущим звеном в системе живых, революционных сил народа и, при всем бюрократическом перерождении и вырождении своем в годы, последовавшие за окончанием гражданской войны и за завершением ее собственной исторически-революционной миссии, все-же сохраняла традиции неразрывной связи своей с революционными и массовыми движениями. Новая, «сталинская» партия увенчивает процесс своего формирования, интенсивно протекавший в то же самое решающее пятилетие, именно окончательным разрывом этих революционных и массовых связей, окончательным превращением своим в послушный, безнародный и противонародный бюрократический аппарат в руках самодержца и страны, и партии.

Таковы во всяком случае намерения самого самодержца, такова цель того нового устава, который он дает партии, такова задача съезда, который он решается, наконец, созвать.

Удадутся ли Сталину его планы, связанные с созывом съезда? Надо думать, что да: самый порядок выборов на съезд в обстановке всеобщего беспорядка и неслыханного террора обеспечивает и заполнение его ставленниками самодержца, и молчание тех недовольных, которые, вопреки всем уставным и полицейским рогаткам, все-же на него проникнут. Но надолго ли та новая, «сталинская» партия, которую диктатор создает на съезде, останется верным и надежным орудием в его руках, тем аппаратом, на который он сможет спокойно положиться, — это другой вопрос, и вопрос, на который вряд ли можно ответить утвердительно.

Разложение всякого режима неизбежно разлагает и бюрократический аппарат этого режима: это, как нельзя болезненнее, испытала на себе царская монархия. А режим сталинского единодержавия уже сверху до низу пронизан непримиримыми противоречиями. Его аппарат не может уже быть прочным, и фактическая «монолитность» этого аппарата обратно пропорциональна той «монолитности» славословия и «припадания к стопам» вождя, которая навязывается ему террором. Чудовишный ураган этого террора, унесший в социальное, а зачастую и в физическое небытие сотни тысяч вчерашних деятелей государственного аппарата, не сможет быть так легко забыт их сегодняшними преемниками и заместителями. И они должны чувствовать всю зыбкость своего нынешнего положения, и они должны мечтать о «правопорядке», который закрепит их социальное восхождение, и они должны с нервной опаской смотреть на безграничное самовластие забрызганного грязью и кровью «вождя». Именно этим «нервным» состоянием аппарата и объясняется ведь тот факт, что и в партии, как и в стране, диктатор видит себя вынужденным прикрывать свое единовластие плебисцитарным, якобы-народным и якобы-демократическим плащом!

Но бюрократический аппарат всякого современного государства и, особенно, государства тоталитарного так громаден, так разветвлен, так проникает во все поры политической, хозяйственной, социальной и культурной жизни, что совершенно изолировать его от воздействия тех процессов, которые совершаются в толще народных масс, никакому террору, но и никаким привилегиям уласться не может. И судьбы сталинской новой партии будут, в конечном счете, решаться в зависимости от этих процессов, которые, чем дальше, тем больше ничего хорошего сталинскому единодержавию не сулят.

Разбив остатки старой, «ленинской» партии, которые были еще так или иначе цементированы своею историческою связью с революционными движениями и достижениями широких народных масс и на которые поэтому так или иначе можно было «опираться», Сталин создал себе в «своей собственной», новой партии «опору», которая рассыпется, как хрупкая глина, при первом-же натиске народной-ли стихии, других-ли, более «созвучных эпохе» претендентов на власть.

Новая, «сталинская» партия собирается на свой первый съезд. Доживет ли она до второго, и если доживет, то когда, с чем и с какими «вождями» придет на него? Никто не может сказать этого сейчас, но, вероятно, многим из участников съезда смутно прозвучат сквозь гул оваций и восторгов те «страшные слова», которые «роковая рука» истории уже чертит на кремлевских стенах. Нужно мобилизовать все силы, чтобы, «страшные» для диктатора, эти слова не оказались страшными и для самой революции...

Ф. ДАН.

## К гибели испанской республики

Гибель революционно - республиканской Испании предreshена — на ближайший период времени во всяком случае. Падение Каталонии нанесло этой, народной Испании тяжелый удар. Признание Франко великими демократическими державами Европы всадило ей нож в спину. Мадридское пронунциаменто выносит ей смертный приговор...

Нам приходится писать эти строки, когда не все еще ясно в условиях, ходе и результатах переворота, произведенного полковником Касадо, политически инспирированного, повидимому, лидером правого крыла социалистической партии, Бестейро, и санкционированного героем мадридской обороны, генералом Миаха, ставшим во главе нового правительства. Не вполне ясно, какие силы подготовили и провели переворот и, в частности, приложили ли к нему руку и агенты иностранных, не-фашистских дипломатий. Не ясно, была ли произведена — прямым контактом или обходными путями — предварительная «разведка» насчет отношения победителя, генерала Франко, к планам переворотчиков. Не ясно, опирался ли переворот, если не на содействие, то хотя бы на сочувствие тех массовых сил, на которых держалась испанская республика, и в какой мере действительно представляют армию, флот, рабочий класс, крестьянство, мелкое городское мещанство те генералы, социалисты, деятели обеих (социалистической и анархо - синдикалистской) профессиональных организаций, буржуазные республиканцы, которые объявили низложенному правительству Негрина и вошли в состав кабинета Миаха. К сообщениям на этот счет монополизированного новой властью мадридского радио приходится во всяком случае относиться с большою осторожностью: в резком противоречии к оптимистическим сообщениям этого радио об единодушном и восторженном отношении к перевороту и военных сил республики, и ее народных масс стоят факты ухода всего республиканского флота из Картагены в Бизерту, где он разоружается и интернируется французским правительством, и восстания в Мадриде, принявшего, очевидно, немалый размах, если его пришлось подавлять танками и аэропланами.

Но, если многое в событиях, разыгравшихся в революционно-республиканском лагере, еще не ясно, то многое другое, напротив, выяснилось уже с полной определенностью.

Мы констатировали только что наличие и в военных, и в народных массах сил, готовых оказать сопротивление перевороту и продолжать борьбу на тех путях непримиримости, о которых правительство Негрина не переставало говорить и после признания Франко демократическими державами Европы. Но отъезд из Испании и членов правительства, и виднейших вождей социалистической и коммунистической (Пассионария-Ибаррури) партий и профессиональных организаций, и выдающихся генералов республики (Листер) неоспоримо свидетельствует о том, что ни правительство, ни партии, ни синдикаты не могли или не хотели организовать эти силы и стать во главе их, и что своим уклонением от боя с инициаторами переворота они санкционировали успех этого переворота, как окончательный и бесповоротный. Не подлежит затем сомнению, что переворот был встречен крайне сочувственно всей дружественной нынешним правительствам Англии и Франции прессой этих стран, и что по своим задачам и целям он вмешается целиком в рам-

ки той политики, которую за последнее время вела и ведет в испанских делах англо-французская дипломатия. Сколько бы фраз о готовности, если окажется нужным, «бороться до конца» ни заключалось в декларациях нового правительства, не подлежит уже сомнению, что его основное стремление заключается в скорейшем заключении компромисса с Франко на основе платформы «Испания испанцам», с отказом от всяких других политических или социальных требований. Но эта платформа, рассчитанная на возможность совместно с Франко добиться очищения испанской территории от итало-германских военных сил, подготовивших победу мятежного генерала, и есть, как известно, платформа Чэмберлена-Галифакса и Даладь-Боннэ в испанском вопросе.

Удастся ли переворотчикам добиться соглашения с генералом Франко на этой платформе, или им придется капитулировать без всяких платформ и без всяких условий, — это вопрос особый, который будет решаться в зависимости не от испанской лишь, а от обще-европейской и даже обще-мировой ситуации, и потому о нем надо говорить особо. Но не подлежит опять-таки сомнению, что сами инициаторы переворота готовы сделать все возможное, чтобы облегчить такое соглашение. Именно этим и объясняется их подчеркнутый «анти-большевизм», тем более неожиданный, что, если память нас не обманывает, не так уж много воды утекло с тех пор, как вся коммунистическая и, особенно, московско - сталинская печать приветствовала вступление в коммунистическую партию Испании нынешнего главы правительства, генерала Миаха. Но «анти-большевизм» должен отнять у Муссолини и Гитлера последний «предлог» (добрые люди все еще думают, что фашистский разбой нуждается в «предлогах»!) для оставления своих военных сил на полуострове и на Балеарах и дать генералу Франко лишний козырь в руки, если он захочет, совместно с Англией и Францией, добиваться очищения Испании от иностранных легионов, аэропланов и военных «техников». И, кстати сказать, именно в виду той роли, которую «анти-большевизм» играет в политике переворотчиков, надо весьма осторожно относиться к официальной окраске в «коммунистический» цвет тех народных движений и восстаний, наличие которых они не могут скрыть и для подавления которых они пускают в ход военную силу, созданную в свое время с такими гигантскими жертвами для борьбы с теми мятежными генералами, с которыми теперь намечается соглашение...

\*\*

Революционно-республиканская Испания 1936-39 гг. доживает свои последние дни. Осуществились, к сожалению, полностью те опасения, которые мы высказали сейчас-же после вспышки и подавления междуусобицы в Каталонии (май 1937 г.) и замены правительства Кабальеро правительством Негрина (см. передовую «Испанский кризис» в № 10 за 37 г.). Общий смысл этих опасений сводился к тому, что смена правительства означает попытку оторвать военно - технические факторы победы республики от факторов социально-революционных, превратить гражданскую войну в войну просто «военную»: одною военной техникой, боялись мы, республика своих врагов победить не сможет — и в силу сложившейся международной ситуа-

ции, и еще больше в силу неизбежного для чисто военно-технического уклона политики разрыва с теми, зачастую буйными, анархическими и утопическими, но, по существу, революционными настроениями масс, которые республика, конечно, должна была стараться организовать и направить в русло революционной дисциплины, но которые в гражданской войне составляют самый существенный элемент победы и насильственно подавление которых равносильно для революции самоубийству.

Но не будем говорить об этой основной и о других, вытекающих из нее, ошибках испанской республики теперь, в момент, когда она гибнет, завещая, вопреки всем своим ошибкам, и нынешнему, и грядущим поколениям социалистов и демократов память о себе, как о чудесном и неслыханно-героическом почти трехлетнем сопротивлении трудящихся Испании не только своим домашним изменникам-генералам, но и объединенным силам мирового фашизма на рубежах, где эти трудящиеся своею кровью защищали не только свою свободу, но свободу и мир всего мира! Преклонимся перед теми, кто неизгладимыми чертами вписал свои подвиги в далеко еще незаконченную летопись борьбы трудящихся за свое освобождение и за освобождение всего человечества! И не об ошибках героев будем говорить в эту трагическую минуту, а об ошибках и зачастую преступлениях тех, кто повинен, в конечном счете, и в их ошибках, и в их поражении... Ибо, как ни мало склонны люди и движения воспринимать так наз. «уроки» истории, они все-же, и нехотя, «учатся» на чужих и, еще больше, на своих собственных ошибках. И потому критика и, опять-таки, особенно самокритика не остается все-же совершенно бесплодной...

В порядке этой критики и самокритики приходится, конечно, остановиться прежде всего на той доле вины, которая ложится за поражение революционно-республиканской Испании на социалистических друзей ее. Не только на тех, кто проводил политику «невмешательства», не учитывая всего безнадежного утопизма расчетов на возможность навязать ее и фашистским врагам испанской республики, или кто, как большинство из нас, в конце концов, санкционировал эту политику, как «меньшее зло», с которым приходится мириться во имя тех якобы-«больших» благ, которые дает участие в правительстве, хотя бы и практикующем «невмешательство»; и не только на тех, кто, участвуя в правительствах различных стран или возглавляя их, полагал возможным не оказывать испанской революции всей той помощи, в которой она нуждалась, и не рвать определенно с врагами ее, во имя «национальных» интересов своей собственной страны; но и на тех беззаветно преданных делу испанской республики социалистов, которые искренне сделали своим лозунгом: «все для Испании!», но не хотели понять, что в это «все» входит и дружеское, но определенное и своевременное предостережение испанских товарищей от тех неверных шагов и той ошибочной политики, на которую их толкала невыносимо тяжелая и сложная обстановка, но которые от того не становились менее опасными для их собственного дела.

На одну весьма существенную политическую ошибку мы не раз, хотя и в самой дружественной форме, указывали нашим испанским друзьям: это — то влияние, которое они позволили приобрести на всю их политику, не скажу коммунизму, а сталинизму. Свою полезную и нужную роль почти монополиста в снаб-

Г. Н. ГРАММАТИКОПУЛО.

## К загадкам московских процессов

(Продолжение).

### На Норкина «бросают тень».

Анонимный автор упомянутой выше статьи правильно указывает на разоблачительное значение отказа Бухарина признаться в шпионаже и его ссылки на то, что на предварительном следствии от него этого не требовали: многое из того, в чем Бухарин признался, было столь же нелепо, как и шпионаж, но в последнем Бухарина на предварительном следствии не обвиняли (не входило в условия «договора!»), и Бухарин не только не признавался в нем, но еще справедливо возмущался вероломством прокурора.

Неправильно, однако, думать, что только Бухарин защищался на процессе. Даже при внимательном чтении отчетов можно заметить, как часто подсудимые защищаются и, что самое странное, — защищаются по каким-то мелочам, часто по поводу какой-нибудь фразы или слова. На процессах все это чувствовалось еще гораздо яснее, и поведение подсудимых производило весьма странное впечатление\*). В настоящее время, когда можно с уверенностью установить, что происходило за кулисами, все эти странности не только становятся по-

нятными, но они то больше всего и помогают определить объем реальной вины и понять механизм необоснованных самообвинений. Это в высшей степени интересный вопрос, которым я не могу, однако, заняться в данной статье. Ограничусь одним только, очень интересным примером, явно доказывающим существование закулисного сговора.

Подсудимый Норкин, один из самых «интересных» подсудимых второго процесса, о котором нам еще придется упомянуть, давал свои показания очень спокойно и «честно», как того требовали прокурор и условия «договора». Так же спокойно и невозмутимо следил Норкин и за всем ходом процесса. Но перед самым концом, когда у микрофона говорил подсудимый Граше, Норкин, сидевший далеко от него (на первом от публики стуле третьего ряда), вдруг заволиновался и стал тянуться ухом, чтобы лучше слышать. Граше рассказывал в это время о том, как, зайдя однажды в кабинет к своему заведующему, увидел на его столе письмо некоего Давылсона, адресованное на имя Норкина. По рассказу следовало, что Давылсон был «шпионом». Председатель суда заметил движение Норкина и, по окончании показаний Граше, предложил ему высказаться. Норкин заявил, что не расслышал, что говорил про него Граше. Председатель предложил тогда обоим подойти к микрофону, а Граше повторить интересующие Норкина показания. Прослушав их внимательно, спокойный и невозмутимый до того Норкин начал пространно доказывать, что Граше говорит неправду, что никакого

\*) Известно, наверно, что в отчете о втором процессе пропущено много нюансов и деталей, а иногда и прямо искажен смысл препирательств. Что же касается отчета о первом процессе, то он до того не полон, что его вообще нельзя назвать отчетом.

жении испанских республиканцев оружием Сталин использовал, прежде всего, для того, чтобы сделать испанскую республику одновременно и орудием своей внешней политики, и ареной своей борьбы с «внутренними» врагами его единодержавия — троцкистами, бухаринцами, меньшевиками и т. д. Это его агенты запятнали республику застеночными расправами, одной из жертв которых оказался и наш молодой товарищ, Марк Рейн. Это его настояния толкали ее на насильственное подавление всех «инакомыслящих» движений и организаций в среде трудящихся, подготавливая и углубляя тем самым возрастающее отчуждение от нее все более широких народных масс. И это его «линия» торжествовала во все большем отодвигании на задний план социальную - революционных задач и в прогрессирующем подчинении всей политики республиканского правительства соображениям голой военной техники.

Судьбы рабочего класса и пролетарской революции в Испании сами по себе так же мало интересовали Сталина, как мало интересуют его сейчас их судьбы во всем мире, и ничто не доказывает этого так ясно, как его поистине бесчеловечное отношение к тем сотням тысяч беженцев, которые хлынули ныне из Испании: Сталин не только не открывает им дверей Советского Союза, но вообще ограничивается подачкой в 5 миллионов франков, — сумма, вероятно, импонирующая читателям советских газет, но поистине постыдная в глазах тех, кто знает, что каждый день Франция вынуждена тратить на этих беженцев свыше 7 миллионов франков!

Своими поставками оружия (не забудем: целиком оплаченными испанским золотом) Ста-

лин, несомненно, помогал борьбе испанской республики против Франко и стоящих за его спиной Гитлера и Муссолини; своей политикой он подготавливал ее поражение и гибель, — и придется весьма пожалеть, если «анти-большевизм» тех, кто своею подписью скрепит свидетельство об ее смерти, заставит испанский и международный пролетариат забыть это непростительное преступление «сталинизма»...

\*\*

Однако, как ни велика ответственность социализма за поражение испанской республики; как ни вопиющи преступления Сталина по отношению к ней; — вряд ли надо еще доказывать, что задумана она была соединенными усилиями мирового фашизма и господствующих классов тех стран, которые, и борясь против фашизма, больше всего боятся его слишком сокрушительного поражения и своей собственной слишком решительной победы, и которые фактической блокадой республики навязывали ей все ее ошибки, в том числе и поражение перед «сталинизмом», сыгравшее такую роковую роль в ее судьбе.

Не будем декламировать по этому поводу о «предательстве» тех политических деятелей, которые представляют господствующие классы демократических держав на международной арене. Кого они «предали»? Пролетариат и трудящиеся массы? Но они никогда не брались представлять классовые интересы этих слоев, и было бы нелепо требовать этого от них. А интересы господствующих классов, интересы «страны», как они представляются с точки зрения капиталистической буржуазии, они несколько не «предали»; наоборот, они

письма он от Давыдсона не получал и вообще его как «троцкиста» не знал (тоже интересная деталь: как «троцкиста», а не как «шпиона»!). Его прервал прокурор:

— С чего это вы так разволновались?

**Норкин:** Это бросает на меня тень!

**Прокурор** («иронически»): Это бросает на вас тень? А обвинительный акт читали?

**Норкин:** Читал.

**Прокурор:** И признались! Достаточно-же на вас тени!

Однако Норкин с прокурором не согласен! Не отвечая прямо на его замечание, он продолжает доказывать необоснованность показаний Граше. Было видно, что дело принимает для прокурора неприятный оборот и, переменяв «иронию» на презрительную гримасу, он бросил Норкину:

Успокойтесь, вас в этом не обвиняют!

Прокурор видимо отступал! Но Норкин, потому-ли, что в самом деле не расслышал, или чтобы закрепить победу, переспросил:

— Вы говорите, что в этом меня обвинять не будут?

— Нет, не будут! Садитесь, пожалуйста!

Замечательный случай! Обвинительный акт — терроризм, вредительство, измена родине никакой, по видимому, тени на Норкина не бросили, во всем этом он мог признаться спокойно: все это условно, а потому не позорно. Другое дело какое-то письмо Давыдсона. Норкин его как «троцкиста» не знает. Но мало-ли что может из этого получиться? И разоблаченный во всех грехах Норкин думает о «тени», которая может быть брошена на него!

### Свидетельство Кривицкого.

Бывший советский генерал Кривицкий, описывая жуткую обстановку мартовского пленума ЦК, созданного сейчас-же после процесса Радека, чтобы объявлением открытого террора против партии приостановить начавшийся сейчас-же после этого процесса острейший партийный кризис, рассказывает, как Бухарин и Рыков, приведенные на пленум прямо из тюрьмы, со слезами отказывались признаваться в приписываемых им преступлениях и доказывали свою невинность. Тогда, рассказывает Кривицкий, Сталин рассердился и со словами: «революционеры так не поступают!» препроводил их обратно в тюрьму.

Если это свидетельство верно, оно тоже подтверждает защищаемую нами концепцию о мотивах признаний. Рыков и Бухарин согласились перед этим «признаться». Сталин имел, как увидим, основания верить их обещаниям. Но на сей раз Бухарин и Рыков подвели. Они не выдержали позора и расплакались. Но — «революционеры так не поступают!» Если они дали слово, то должны его держать. Революция требует от них признаний! Каких? Того, что было? Но, если шпионаж и измена были, какие-же они революционеры? На процессах это слово не прозвучало ни разу: там они были только контр-революционерами; любой разговор, любую встречу и любую оппозиционную мысль там они сами называли анти-партийной и анти-советской. Но на пленуме сам Сталин называет их революционерами! Он обращается к их партийному патриотизму! Если бы были настоящие улики, он этим языком говорить бы не мог. Признаваться они в таком случае должны были бы как разоблаченные изменники, а не как — революционеры. Другое дело — исполнение «воли партии», т. е. самого Сталина. Тут рассуждать нечего. Он руководит, он от-

служили и служат им верой и правдой, и надо лишь пожелать, чтобы и политики трудящихся умели с такою-же прозорливостью, последовательностью и беспощадностью отстаивать интересы своих классов!

Правда, политика господствующих классов демократических держав шла и идет в разрез с интересами демократии и мира и приводит их к непрерывному отступлению перед фашистским варварством, к грубейшему нарушению интересов народных масс их собственных стран. Но это доказывает лишь, что само господство капиталистической буржуазии вступает в конфликт с теми высокими принципами и идеалами, которые некогда зародились, развились и стали достоянием широких народных масс в рамках буржуазного общества; что дальнейшее сохранение этого господства возможно лишь на основе поправки демократии и становится опасностью для дела мира; что капиталистическая буржуазия теряет способность и право представлять интересы «нации», от имени которой она продолжает говорить, потому что ее собственные классовые интересы вступают в непримиримое противоречие с интересами того подавляющего большинства населения, в котором только и воплощается «нация»; что продолжать господствовать над нацией капиталистическая буржуазия может уже не как авангард ее, а лишь как паразит на ее теле.

Однако, никакие «идеологические» взаимоотношения режимов, основанных на антагонизме классов, — все равно, идет ли речь о либерально-капиталистических режимах, или о режимах полуфеодалных монархий, или о каких-либо других, — никогда не могли уничтожить источников войны между ними, заложенных в самом существе их. И меньше всего может уни-

чтожить эти источники «идеологическая» тяга господствующих классов демократических стран к фашизму: ведь, законом существования его как раз и является стремление к экспансии, которою приходится все вновь и вновь затыкать прорехи внутреннего экономического, политического, социального и идеологического хозяйства, и вытекающая отсюда непрерывная и все возрастающая военная агрессивность! Англо-французская дипломатия, конечно, хорошо знает, что все ее уступки италю - германо - японскому фашизму не уничтожают военной опасности, а скорее усиливают ее: гигантский рост вооружения демократических держав именно после «Мюнхена» убедительно свидетельствует о том. Но эта дипломатия напрягает все усилия, чтобы, заранее вырвав из возможной будущей войны ее социально-революционное жало и превратив ее в обыкновенную «империалистическую» войну, в то же время обеспечить себе максимальные шансы на победу.

Приходилось уже не раз говорить, сколько утопического есть во всех этих расчетах, и незачем снова возвращаться к этому. Но, что расчеты эти существуют, — это факт, как факт и то, что за последние недели англо-французская дипломатия проявляет большую активность в этом направлении и может занести в свой актив немало видимых «успехов» и новых шансов. Такие шансы создаются имеющимся, повидимому, некоторым разнобоем в непосредственных политических планах Германии и Италии, с одной стороны, значительным ухудшением экономического и финансового положения этих стран, с другой, успехами вооружения Англии и Франции, с третьей, и, наконец, возрождающейся анти-фашистской активностью Соед. Штатов, одинаково встревоженных и резкою агрессивностью

вечает перед историей, они сами объявили себя солдатами революции, а солдаты только подчиняются. Другого смысла слова Сталина, если они соответствуют действительности, как будто иметь не могут.

Рыков и Бухарин тогда еще не мирились с необходимостью признаний и расплакались. Год спустя, после длительного и мучительного размышления и подведения итогов своей деятельности в революции, они тоже нашли нужным подчиниться...

#### «Судебная конференция» и «подсудимые Его Величества».

Мы уже объясняли, почему книга Фейхтвангера является, в некоторой своей части, важным документом, к которому, при отсутствии других авторитетных разъяснений, приходится часто возвращаться.

Рассказ Сталина и последовавший после этого январский процесс Фейхтвангера не вполне удовлетворили. Далекий от мысли «опорочить» процесс, он все-же признает, что поведение подсудимых осталось для него «не совсем ясным». Тогда, вспомнив «свое писательское самолюбие, требовавшее открытого выражения мнения», он нашел, не без труда, слова, «которые, не будучи бестактными, имели бы однако довольно определенный смысл», и высказал свои недоумения «советским людям».

Первый ответ Фейхтвангеру дал один московский писатель, выступивший на открытом митинге. Этот писатель сказал: «Ф. не понимает, какими мотивами руководствовались подсудимые, признаваясь. Четверть миллиона рабочих, демонстрирующих сейчас на Красной площади, это понимают!» Вздохи Ф. о «великом русском писателе», который должен появиться, чтобы рассеять его недоумения, показывают, что убийственный

и по нашему, довольно красноречивый аргумент этого писателя Ф. не удовлетворил.

Продолжая поиски «великого» писателя, Ф. напал на самих организаторов процесса, которые сообщили ему следующее:

«мы показали только квинт-эссенцию, **препарированный результат** предварительного следствия. Уличающий материал был **проверен нами**. На процессе **достаточно было подтверждения**. Пусть тот, кого смущает, вспомнит, что дело разбирает военный суд... что процесс был политическим. Нас интересовала **чистка внутривнутрипартийной атмосферы**. Мы постарались обставить процесс с максимальной простотой и ясностью... Мы его вели не для иностранных криминалистов... Документы, свидетельские показания и разного рода следственный материал могли интересовать только юристов, криминалистов и историков, ...а наших советских граждан **мы бы только запутали...** чрезмерным нагромождением деталей. Безусловное признание говорит им больше, чем множество остроумно сопоставленных фактов».

Этот издевательский — над разумом и над народами России — ответ свидетельствует лишь о цинизме чекистов и их беспомощности перед необходимостью ответить хотя бы и на благожелательнейшую критику готового к услугам друга! Но Ф. этого не видит и, продолжая даже после таких разъяснений считать процесс не опороченным, пробует рассказать, как он сам представляет себе «генезис признания». Я позволю себе усумниться в том, являясь ли ниже приводимые суждения личным мнением Ф. и не подсказаны ли они ему другими «советскими людьми», более считающимися с необходимостью давать членораздельные ответы на задаваемые им вопросы, чем непосредственные организаторы процессов. Во всяком случае, если оставить в стороне литературную форму, то точно такие же разъяснения получали в ответ на наши недоумения и мы, иностранные корреспонденты, в Отделе Печати.

Японии на Дальнем Востоке, и систематическим натиском Германии на южно-американские государства. В серию видимых успехов англо-французской дипломатии приходится зачислить и те процессы, ареной которых становится за последнее время средняя, восточная и юговосточная Европа: некоторые попытки «анти-фашистского» выпрямления Чехословакии, падение Стоядиновича в Югославии, суровое подавление германофильского фашизма в Румынии, неудачу польской миссии итальянского министра иностранных дел и, наоборот, сближение Польши с Румынией и Венгрией, острем своим так же очевидно направленное против гитлеризма, как и улучшение ее отношений с Советским Союзом, который ныне английская дипломатия явно пытается вывести из изоляции, созданной в значительной степени ее же собственной политикой.

Нет сомнения, что и новый поворот испанской истории англо-французская дипломатия рассматривает и хо-

чет использовать, как еще один козырь в игре, ведущейся уже сейчас вокруг будущей войны. Удастся ли ей это? Ближайшие дни дадут, вероятно, ответ на этот вопрос. Но усилит ли гибель испанской республики возможность сохранения мира и возместит ли — с точки зрения шансов демократических держав на победу над фашизмом — ставка на рост военно-технического потенциала в результате соглашения с франкистскими насильниками над Испанией утрату того гигантского социально - революционного потенциала, которым, несмотря ни на что, до последних дней оставалась испанская республика, — это вопрос особый. И на этот вопрос, в обеих его частях, приходится отвечать решительным отрицанием.

Гибель испанской республики — тяжелый удар не только по демократии и социализму. Это тяжелый удар и по делу мира и победы над фашистским варварством.

А. ЮГОВ.

## Еще о третьей пятилетке

Свыше месяца уже прошло со времени опубликования проекта третьей пятилетки. И по сей день в советской прессе не появилось ни одной статьи с принципиальной критикой, или, хотя бы, с серьезным обсуждением основных задач нового плана.

Дискуссионные листки «Правды», специальные журналы заполнены либо хвалебными резолюциями, либо предложениями новых построек заводов, лучших ме-

тодов по использованию сырья, по рационализации процессов производства.

Но об основном, о самом главном: о нуждах населения, о социальных задачах новой пятилетки — ни слова.

То же произошло и на партийных конференциях Москвы, Ленинграда, Киева, областей и районов. Вносились частные поправки, формулировались местные

В той форме, какую им придал Ф., эти разъяснения состоят в следующем:

«суд был партийный... Было ошибкой думать, что человек, привлеченный к партийному суду, мог бы вести себя так же, как человек перед обычным судом на Западе... Поэтому не случайно суд носил чуждый иностранцам характер дискуссии... Судьи, прокурор, обвиняемые — и это не только казалось — были связаны между собою узами общей цели. Они были подобны инженерам, испытывавшим совершенно новую сложную машину. Некоторые из них что-то в этой машине испортили, испортили не со злости, а просто потому, что своенравно хотели испробовать на ней свои теории по улучшению машины. Эта машина не менее, чем другим, близка их сердцу, их всех объединяет интерес к машине, любовь к ней. Это чувство побуждает судей и обвиняемых так дружно сотрудничать друг с другом и обсуждать возможности исправления ошибок: чувство, похожее на то, которое в Англии связывает правительств с оппозицией настолько крепко, что вождь оппозиции получает от государства содержание в две тысячи фунтов».

Чем-же это не «партийная аранжировка»? Тут и общая цель, связывающая всех, и общая любовь к машине, которую все желают исправить, и дружное сотрудничество, и даже дискуссия и совместное обсуждение ошибок: ничего общего с тем, как поступают на Западе! В эту умильную картину чекисты внесли поправки на своем жаргоне: мы проверили обличительный материал, мы препарировали результаты следствия, нам достаточно было только подтверждения, нам нет дела до историков и криминалистов, нам нужно было чистить внутривластную атмосферу, мы старались обставить дело просто, нам нужно было думать только о нашем народе, который (после двадцатилетнего «социалистического перевоспитания») достаточно глуп, чтобы верить бессмысленным признаниям и которого не следует запутывать доказательствами... Думается, мы

не обидим Ф., если такого рода рассуждения припишем чекистам, а не ему самому...

Однако, ...оппозиция Его Величества Сталина не получила после этой дружной дискуссии об исправлении ошибок ни содержания в две тысячи фунтов, ни вознаграждения, ни орденов: награды были предоставлены только следователям и палачам, на долю оппозиции осталась лишь — пуля в затылок. После этой оригинальной партконференции раздались выстрелы, и стены подвалов ГПУ были забрызганы мозгами людей, достойных лучшей участи и очень нужных стране. И — что самое важное — первые два процесса, защиту которых взял на себя Ф., послужили сигналом к невиданному в мировой истории террору, так же жестоко и бессмысленно уничтожившему десятки и сотни тысяч людей, партийных и беспартийных, русских и нерусских, действительно преданных стране и идеалам Новой России. Расстреляны лучшие, самые передовые и самые патриотические кадры армии, были изгнаны в северные и южные пустыни и брошены на произвол судьбы новые сотни тысяч женщин и детей, получило на этот раз крещение в крови и молодое поколение России, великая страна и ее идеалы стали посмешищем для всех, дело международного мира и социального прогресса пошатнулось до основания... Таковы были результаты судебной конференции по улучшению машины... И тем не менее схема, подсказанная Ф-у, правильна! С той только разницей, что и она, как и все, в кривом зеркале чекистской лжи (а, может быть, и «вредительских» намеков?), перевернута вверх дном.

«Партийный суд» был, но он состоялся не в нашем присутствии, а в кабинете Сталина, при прокуроре Ежове, и, может быть, еще в присутствии каких-то никому неизвестных «судей» или известных, но молчаливых и

или ведомственные пожелания, но проект пятилетки повсюду единогласно принимался к исполнению, даже без всякого обсуждения, даже без серьезного ознакомления.

Единогласное голосование в СССР, после 20 лет диктатуры, сделалось привычным защитным рефлексом!

«Вредительскими процессами» Сталин и Ежов добились того, что в СССР исчезла даже деловая критика, даже профессиональная потребность работать с максимальным эффектом, потребность, столь живучая у всякого добросовестного инженера, техника, рабочего, хозяйственника. В этом — страшная опасность для будущего СССР. Атрофирование импульсов добросовестной критики, отказ от инициативы из-за боязни ответственности — это, быть может, самый страшный удар по нормальному хозяйственному развитию.

Первая пятилетка преодолела гигантские препятствия, в значительной мере, благодаря жертвенности и энтузиазму строителей. Вторая пятилетка дала значительно менее яркие показатели, главным образом, из-за борьбы с, так называемыми, вредителями, т. е. из-за дезорганизации, которую внесли представители власти. Самая страшная угроза третьей пятилетке — это превращение советских хозяйственных органов в безинициативных автоматов, которые способны действовать, только получая директивы секретариата ВКП.

«Зачем нам думать, за нас думает Сталин» таково основное правило, которое приняли, усвоили, сделали основной жизненной директивой в своей ежедневной практике большие и малые советские и партийные чиновники.

ждуших своей очереди пленников \*). В нашем присутствии происходил не процесс, а формальности по исполнению приговора, вынесенного в кабинете Сталина. Приговор этот состоял в том, что подсудимые Его Величества отвечают не за те деяния, в которых они, быть может, и повинны, а за те, в которых Его Величество считает их «признания» необходимыми.

Была и партийная дискуссия, но и она происходила за кулисами «процесса» — вокруг вопроса о том, нужны ли признания или нет. Была и любовь к машине, которую, однако, каждый понимал по своему... Были и «своенравные теории по улучшению машины» — теории о сплошной коллективизации или теории об обострении классовых противоречий по мере... уничтожения классов и тут-же вслед затем противоположные теории об уже построенном бесклассовом обществе... Была и чистка внутривнутрипартийной атмосферы в том духе, как это понимал Ежов. Была и необходимость готовиться к войне (Фейхтвангеру об этом как будто забыли сказать, но нам об этом твердили каждый день), диктовавшая... массовый террор против населения и истребление командных кадров армии! Была и общая цель — выполнение приказов Сталина! И, наконец, безусловно были — и это уж не в обратном, а в прямом смысле — препарирование результатов следствия, полное игнорирование и криминалистики, и истории, и юриспруденции и полное презрение к «нашему народу», которому можно подсушить решительно все!

\*) Утверждение автора анонимной статьи об активном участии Лазаря Кагановича в организации процессов, по моим сведениям и впечатлениям, является в высшей степени невероятным, если вовсе не исключается. То же самое можно сказать и о других членах Политбюро.

А между тем, план новой пятилетки очень тяжелым бременем ложится на самые широкие слои населения СССР. Это, быть может, еще не понимают рядовые граждане Союза, но об этом сознательно не говорят руководители.

Мы уже осветили в прошлом номере «Соц. Вестника» новый проект пятилетки в отношении индустриализации и со стороны удовлетворения потребительских интересов населения. Теперь, мы остановимся на основных вопросах финансов и сельского хозяйства.

Проект намечает ассигновку на цели длительного вложения громадной суммы — за 5 лет в размере 180 миллиардов рублей, против 115 млрд. руб. во вторую пятилетку и 86 млрд. руб. в первую. Хотя эти цифры выражены в рублях различной ценности, но все же основание для ориентировочного сравнения они дают.

Население в целом должно внести на цели капитального строительства сумму в 1½ раза большую, чем во вторую пятилетку и в два раза большую, чем в первую.

Уровень благосостояния повысился столь незначительно, что такое обременение населения финансированием инвестиций равносильно тяжелому бедствию.

Общеизвестно, что современный СССР перестал быть страной, в которой все граждане материально уравнены. «Уравниловка» ликвидирована, и заработки советских граждан колеблются, примерно от 300 руб. в месяц до гонораров в 20-30 тысяч в месяц. Можно спорить о том, произошло ли уже разделение советского общества на новые классы. Но вне всякого спора тот

#### Психологические мотивы на краю могилы.

Лично для меня самым убедительным, неопровержимым доказательством тому, что признания были результатом сговора, смягчавшего для подсудимых позорность ситуации и вообще сделавшего признания возможными, было психологическое состояние подсудимых. Но прежде чем пытаться, на основании их поведения на процессах, определить, по возможности, индивидуальные мотивы, побуждавшие их к признаниям, приходится еще раз остановиться на тех общих и для всех или большинства из них обязательных соображениях, над которыми они не могли не задумываться в тиши одиночек.

О главном из этих соображений мы уже говорили. В течение целого десятилетия они не только подчинялись, но публично восхваляли политику Сталина, которую считали неправильной и которая была преступна по существу. Единственным оправданием их перед историей, перед страной и перед самим собою было то, что делали они это лишь в порядке нерассуждающей партийной дисциплины, безусловно обязательной для всякого члена большевистской партии. Отказаться от безоговорочного подчинения этой дисциплине теперь, когда дело шло об их личной судьбе, значило бы дать право думать, что преступную по отношению к народным массам политику Сталина они поддерживали не в порядке партийной дисциплины, а по убеждению. Этого они сделать не могли, не беря на себя задним числом прямой ответственности за эту политику. И наоборот: самые фантастические признания в порядке партийного приказа не были-ли своеобразным оправданием сомнительной с точки зрения интересов России и революции, но понятной с точки зрения члена большевистской партии политики слепого подчинения в порядке дисциплины? Это



факт, что по заработку, по материальному положению советские граждане уже сейчас разделяются на группы с очень различным платежным потенциалом.

Советская власть это обстоятельство, при распределении налоговых тягот для финансирования новой пятилетки, совершенно не учитывает.

В период первой пятилетки основными методами извлечения средств у населения были косвенные налоги и инфляция. Во время второй пятилетки решающую роль стал играть универсальный косвенный налог: налог с оборота.

Сейчас, во времена третьей пятилетки, этот налог доведен до размеров, подавляющих все другие виды обложения: налог с оборота дает около 80% всех поступлений по бюджету.

Советская власть, — монопольный производитель товаров, при продаже населению всех видов изделий автоматически взимает налог, повышая продажную стоимость в чудовищных размерах, иногда в 5 и 7 раз.

Налогом обложены все предметы потребления, причем продукты первой необходимости обложены налогом в 2-3 раза повышающим стоимость товара, напр., хлеб, сахар, мясо, молочные продукты, чай, кофе, спички, керосин, мануфактура, гашиш, мыло и т. д., и т. д.

В период первой пятилетки, руководители советского хозяйства, вводя косвенные налоги, оправдывались тем, что в СССР социальные различия ликвидированы.

Какие оправдания можно найти сейчас тому обстоятельству, что в стране, где имеются граждане, едва сводящие концы с концами, и миллионщики, не знаю-

щие какое применение дать имеющимся у них денежным накоплениям, основное налоговое обложение построено по системе, не знающей ни дифференциации, ни свободного от обложения минимума? Ничтожное развитие в СССР прямого подоходного обложения, и построение всей финансовой системы на началах косвенного обложения объясняется лишь фискальными соображениями. Автоматичность и неотвратимость этой системы представляют громадное удобство для государства. Но именно эти черты и определяют социальную реакционность этой налоговой формы обложения.

Вторым источником финансирования третьей пятилетки является создание громадных натуральных запасов продовольствия и сырья путем недоплаты крестьянству полной стоимости продукта их труда.

Крестьянство обязано поставлять государству: хлеб, хлопок, лен, свеклу, мясо, шерсть, лечебные травы и другие с.-х. продукты, согласно законом установленных норм. Но оплата этих поставок производится по ценам, определяемым государством весьма далеко не только от рыночных цен, но часто даже ниже стоимости затраченного на их производство труда.

В отличие от первой пятилетки и первых лет второй, сейчас государство возлагает часть тягот по финансированию строительства и на городское рабочее население. Рост заработной платы сознательно замедлен по сравнению с ростом производительности труда. Так называемая социализированная часть зарплаты почти ликвидирована: стоимость и жилища и муниципальных услуг значительно повышена. Натуральное снабжение рабочих окончательно ликвидировано. Подобно

не парадокс. Фейхтвангеру правильно подсказали, что поступать так, как поступают нормальные подсудимые на нормальных процессах, подсудимые московских процессов не могли. Нормальная при нормальных условиях самозащита от выдуманных обвинений была бы здесь, в исключительно ненормальных условиях, созданных сталинским режимом, самообвинением — сознанием в громадной исторической вине...

В тиши одиночек эти соображения не могли не иметь решающего значения. Против них могло бы говорить разве желание воспользоваться случаем и разоблачить Сталина, которому они когда-то сами помогали захватить власть. Эту, не фантастическую, а реальную вину они могли бы смягчить разоблачением, хотя бы и запоздалым, теперь, на скамье подсудимых. Но стоит подумать, чтобы понять, что эти узко утилитарные соображения не могли получить перевеса во внутренних борениях подсудимых. Ведь, даже здесь, во Франции, и всюду, где свободная мысль еще не считается преступлением, находятся люди и даже целые политические организации, прекрасно понимающие сущность сталинского режима и все-же считающие, что разбивать слепую веру масс в сталинскую Россию не следует, потому что завтра или послезавтра эта вера пригодится, как фактор победы в грядущей войне. Как-же не понять, что иначе не могли думать и люди, боявшиеся на краю могли совершить новые ошибки? А ведь они даже не знали настоящего политического положения в стране и за границей: Бухарин на процессе нашел как-то повод сказать, что в заключении не читал и газет. Мир, может быть, и в самом деле стоит накануне войны. Можно-ли в такой момент разоблачать Сталина? И для кого разоблачать? Для безнадежно слепых жертв сталинского воспитания, которые или ничего не узнают, или, узнав, пройдут спокойно мимо разоблачений, а то

еще и скажут, что, помимо всех преступлений, «доказанных» непогрешимым «пролетарским судом», подсудимые пытались еще ввести этот суд в заблуждение? Или для прозревающих и способных к прозрению? Но им признания могли сказать и сказали больше, чем любые «разоблачения»! И тому есть доказательства.

Именно после процессов произошло нечто, что было бы совершенно невероятно и даже абсолютно невозможно, если бы хоть сотая часть того, что вменялось подсудимым на процессах, соответствовало истине: большевистская партия, единая и монолитная и в силу определенных свойств ее кадров, и в силу беззащитной пропаганды, партия, выдержавшая шквал коллективизации, ударного строительства, голода и борьбы с крестьянством, стала распадаться после «признаний» как гнилой орех! Трудно представить себе более красноречивое и эффектное разоблачение Сталина! Потеряв давно связь с народом, он лишился теперь своей последней опоры — партии и связанной с нею части населения, прежде всего — молодежи. Когда представляешь себе эту невиданную в истории политических партий катастрофу, начавшуюся сейчас-же после процесса Радека и завершившуюся в течение каких-нибудь шести месяцев, то невольно закрадывается в голову мысль: да уж не толкали-ли некоторых подсудимых на совершенно дикие и невероятные признания и своего рода «вредительские» соображения? Не учитывали-ли они, хорошо знавшие внутрипартийную обстановку, рокового значения таких «признаний» для авторитета Сталина и веры в него? Вероломство Сталина не перешло-ли «диалектически» в вероломство подсудимых? Не это было, конечно, главным. Но среди других сопутствующих соображений и «вероломство» могло сыграть свою роль...

крестьянству рабочий класс вынужден сейчас уплачивать косвенное обложение.

Тяжесть обложения рабочих, вероятно, сейчас находится на одном уровне с обложением колхозного крестьянства. Но все же, принимая во внимание количество крестьянского населения в СССР, и сейчас крестьянство, как класс, несет основное бремя по финансированию пятилетнего плана.

Поэтому поражает то, что советская власть, так много беря у крестьян, так мало возвращает туда материальных благ, хотя бы в виде капитальных вложений. С этой стороны третий пятилетний план особенно социально несправедлив и близорук.

В то время, как в промышленность государство вкладывает 103 млрд. руб., в транспорт — 36 млрд. руб., в сельское хозяйство предположено вложить за все 5 лет лишь 10,6 млрд. рублей. При этом, 7,4 млрд. руб. из этой суммы пойдут на финансирование МТС, совхозов и ирригации, т. е. государственных учреждений в деревне. Непосредственно же на хозяйственные нужды крестьянской деревни пойдет за пять лет лишь 3,2 млрд. рублей.

Правда часть ассигновок на культуру и бытовые задачи будет направлена в деревню, на школы, больницы, ясли и пр., но можно не сомневаться, что, подобно прошлым годам, главная часть пойдет в города.

Посильны ли населению такие налоги? Нужен ли такой темп вложений? Так ли нужно распределять налоговые тяготы? Все это вопросы, которые должны бы обсуждать народные представители в Верховном Совете. Их же должны бы обсуждать делегаты ВКП, единственной и правящей в СССР партии.

### Несколько соображений о пытках.

Нуждалось ли ГПУ, кроме «пытки от политики», в мерах физического принуждения или запугивания?

Автор анонимной статьи, на которую я часто ссылаюсь, потому что она ближе остальных подходит к истине о московских процессах, сделав и по вопросу о принуждении два шага вперед, тут-же почему-то сделал шаг назад (мы уже видели, что то-же самое случилось с ним и по вопросу о политических соображениях лидеров оппозиции перед процессами). Отвергнув вполне справедливо гипотезы о гипнозе, наркотиках и пытках, он тут-же рассказал о «дезориентации», примененной будто бы к Пятакову, и о «второй смерти», которую грозили будто бы всем, хотя он и приводит только один «пример» с Рыковым.

Я не знаю, откуда у него сведения относительно Пятакова. Но я знаю следующее: 1) свои показания о шпионаже Рыков давал не «дрожа» и не «теряя вид», как уверяет автор, — но — смеясь, как мне удостоверяли присутствовавшие на третьем процессе коллеги; ни на первом, ни на втором, ни на каком-либо другом московском процессе (я присутствовал на всех кроме мартовского процесса 1938 г. и процесса меньшевиков) не было никаких признаков угрозы «второй смертью» ни со стороны Крыленко, ни со стороны Вышинского, вопреки утверждениям автора; 2) хотя в Москве обычно становилось известным, какие и в какое время применялись меры воздействия к арестованным (они менялись в разные периоды революции), мы никогда не слышали о «второй смерти». Гипотезу о мучительной смерти мы могли делать и делали, но сведений не имели; 3) тот-же Рыков, судя по отчету, признавался лишь в том, что было обусловлено договором, а отнюдь не во всем, чего хотел прокурор; он не выдал Бухарина как «шпиона», а, с другой стороны,

Ничемность и бессилие и советской общественности и коммунистической партии ярко иллюстрируется тем обстоятельством, что, вместо этих важнейших, затрагивающих насущные народные интересы, вопросов, «представители народа» будут обсуждать лишь технические проблемы — строить ли теплоходы, повышать ли выходы домен и т. п., вопросы, в которых гораздо более компетентны технические специалисты.

В СССР политикой не должны заниматься даже народные представители, даже члены компартии.

\*\*\*

Весьма показательно, что проект третьей пятилетки почти совершенно обходит и проблемы и конкретные вопросы сельского хозяйства. Ни в отчетной части, ни в плановой части в отношении сельского хозяйства нет даже той минимальной конкретности, которая имеется в отношении индустрии. Между тем, соображения военной тайны именно здесь не могут играть решающей роли.

Мы думаем, что вопросы, связанные с крестьянством, смазываются, затушевываются потому, что и сейчас они самые острые в экономике СССР.

И дело совсем не в низкой производительности или в дезорганизации сельского производства, как утверждают часто недостаточно осведомленные критики.

Коллективизация, механизация и применение современной агротехники обеспечили стране относительно более высокую урожайность и более устойчивые средние сборы. Производственная мощь сельского хозяйства несомненно укрепились.

Но в области социальной, крестьянство, даже кол-

дал, как увидим, такие ценные для понимания закулисного механизма показания, каких не дал бы, если бы ему грозила «вторая смерть».

Вопрос о пытках или угрозах стоял перед ГПУ только в связи с «пытками от политики». Что эти последние принимали характер прямого воздействия на психику, прямого морального истязания, — тому мы имеем исключительно ценное доказательство в свидетельстве Норкина, которое не было опубликовано ни в печати, ни в отчете. На вопрос прокурора, заданный всем подсудимым второго процесса, о том, были-ли применены пытки, он ответил: «физические нет!» Следовательно, моральные были. Этой фразы не услышал г. Фейхтвангер, не знающий русского языка и слушавший ушами переводчиков, как не услышал г. Притт ни вопросов Каменева и Зиновьева об их заявлениях, ни ответов председателя. Но от этого дело не меняется. Пытки были — пытки моральные, пытки от политики. Но могло-ли ГПУ по отношению к лидерам оппозиции \*) перешагнуть грань и перейти к прямым угрозам и физическим пыткам?

На этот вопрос нужно дать отрицательный ответ: ГПУ в таких пытках просто не нуждалось и могло ими только повредить делу! Нельзя было переходить определенные грани в унижении своих жертв. Это увеличивало бы опасности провала в игре, которая, как мы знаем на примерах Смирнова и Крестинского, и без того удалась не на все сто процентов.

\*) Я не говорю об обывательской части подсудимых, по отношению к которой пытки от политики применяться не могли и от которой добивались «признания» любыми средствами, а глав. обр. прямыми или косвенными угрозами по адресу семей: все знают исключительно важное показание доктора Левина о прямой угрозе Ягоды умертвить его семью.

хозное, попрежнему самый недовольный элемент в советской системе. Крестьянство было вынуждено приспособиться к колхозной системе, оно на практике признало бесспорные производственные преимущества крупного хозяйства, механизации, рациональной агрономии, но, из-за всей политики советской власти, оно, попрежнему, недовольно и своим положением в колхозе и ограничениями своей частно-хозяйственной инициативы.

Изъятие из деревни значительной части продукции государством держит большинство колхозов на уровне сомнительной рентабельности, все они в полной мере находятся в зависимости от МТС, владеющей основными орудиями производства. Имеются лишь сотни колхозов, получающих высокие доходы, но тысячи колхозов не выходят из состояния убогости и хронических лишений.

В деревне все время идет борьба колхозного и личного начал. Даже официальные отчеты показывают, что личное хозяйство является всегда существенным, а иногда и решающим источником существования крестьянской семьи.

Отчеты по росту скота показали, что по всем видам стада наиболее быстро растет скот не в колхозах, где им, казалось бы, обеспечен и корм и уход, а в личном хозяйстве колхозника. Производичное неправо обследование баланса рабочего времени в деревне показало, что значительную часть своего времени, около 30-35%, крестьянин уделяет своему усадьбному хозяйству \*).

Жизнь упорно показывает, что даже после 20 лет советской власти, даже после коллективизации, крестьянство в основном руководствуется частно-хозяй-

ственными интересами. Своей политикой советская власть лишь затемняет выявление преимуществ кооперативной системы хозяйства. Вместо того, чтобы дать колхозам возможность развиваться на кооперативных началах, при которых частно-хозяйственный интерес сочетался бы с интересами коллективными, советская власть лишила колхозы орудий производства, подчинила их МТС, отбирает у колхоза львиную часть его дохода и этим значительно ослабляет интерес крестьянства к колхозному хозяйству.

По Воронежской области численность взрослых колхозников, не выработавших ни одного трудодня, составляла в 1937 г. 126,4 тыс. человек, а численность выработавших от 1 до 50 трудодней — 285,3 тыс. человек. Всего по Воронежской области выработало в колхозах меньше 50 трудодней 37,1% общего числа трудоспособных колхозников \*).

Громадная, преобладающая часть крестьянства затрачивает свой труд, свою инициативу вне колхоза.

Вместо того, чтобы сочетать внутри колхоза частнохозяйственные интересы с общественными, советская власть создала своеобразное и опасное положение: в глазах крестьянства колхозы — это работа на власть, отчасти на местные общественные нужды, а личное хозяйство, промысла — это работа на себя, на свою семью.

Крестьянство недовольно тем, как сейчас в деревне складывается колхозное хозяйство. Советская власть это знает, но она боится эту проблему обсуждать, хоть сколько-нибудь гласно.

Мы показали на двух примерах, в области финансо-

\*) Б. Бабьин. О балансе труда в колхозах. «Плановое Хозяйство», 1938, № 12.

Следователи прямо о партийном долге и дисциплине говорить не могли, но и они должны были считаться с психологией подсудимых, готовя почву для «парламентеров». Ведь, признаваться под угрозами куда более позорно, чем признаваться в порядке «партийной дисциплины»! Поэтому и риск провала в первом случае гораздо больше.

По составу подсудимых, по тому факту, что в их число не вошли люди, не более честные и не более храбрые, чем согласившиеся на признания оппозиционеры, но не имеющие таких родовых связей, как подсудимые, видно, что ГПУ позаботилось и о второй гарантии, чисто человеческой, против провала. Но и в этом отношении нельзя было пересаливать. Зачем говорить о вешах, которые сами собою подразумеваются? Люди уставшие, потерявшие, быть может, веру в революцию, перед лицом бессмысленной смерти от советской пули, конечно, не могли не думать о судьбе близких. Все это осложняло ситуацию и создавало как раз ту степень запуганности, в которой нуждались следователи. Но обострять положение было опасно. Главной гарантией против провала была политика. Нельзя было затруднять подсудимым возможность самооправдания в их собственных глазах.

Мне кажется, — я об этом говорил, — что Каменев не совсем убедил себя в том, что надо признаваться по политическим соображениям. Мне почему-то казалось, особенно во время его последней речи, что у него преобладает забота об облегчении участи семьи. С другой стороны, в дальнейшем мне придется остановиться и на случаях, производящих впечатление самого настоящего и искреннего порыва к испуплению. Нет, ГПУ располагало арсеналом «моральных» пыток, достаточ-

ным для получения признаний. Физические пытки и даже угрозы могли только повредить...

### Фигуры второго процесса.

Вернемся в знакомый зал суда... Ничего в нем не изменилось за шесть месяцев, протекших с августа 1936 года. В моем представлении два процесса сливаются в один. Тот же покрытый зеленым сукном стол, те же судьи, председатель и прокурор, те же никому не нужные «защитники», то же приблизительно число стульев для подсудимых, те же равнодушные и спокойные признания, звучащие как рассказ о каких-то третьих лицах, те же почти мотивы признаний.

У микрофона Пятаков. Длинный, худой, с узкой и длинной рыжей бородой, он похож на византийского святого. Говорит неожиданным басом. Когда-то, во время гражданской войны, около Киева нашли страшно изуродованный труп его брата. Теперь перед микрофоном обвиняемый тою-же властью, за которую брат погиб, а сам он всю жизнь боролся, рассказывал, как хорошо заученный урок, о систематическом вредительстве своем в той самой области, которою он руководил. Древняя Пенелопа была бы неплохой каррикатурой на этого старого революционера, разрушавшего одною рукою то, что он создавал другою... в ожидании Троцкого!

Пятаков говорит пространно и подробно. «Свидетелям» это кажется доказательством достоверности того, что он говорит. Сам он кажется им профессором, читающим лекцию. Но чему он учит? Не вредительству-же, в котором, по словам свидетелей, «кается»? В Москве ходили тогда слухи, — а слухам там можно верить больше, чем некоторым признаниям или официальным «объяснениям», — что Пятаков приводил в своих показаниях случаи, которые сам не так давно

вой и в области крестьянской, какие громадной важности вопросы сейчас стоят в связи с проектом новой пятилетки. Но они не будут обсуждаться ни на партийном съезде, ни в Верховном Совете. Будут говорить общие места «о ликвидации классов», «об укреплении социализма в деревне». Но основные вопросы, от которых зависит и пятилетка и оборона страны, вопросы насущных нужд населения, и в первую очередь крестьянства, будут разрешаться лишь волей диктатора и его окружения.

**С. ШВАРЦ.**

## На трудовом фронте

Перед тем, как продолжить анализ новейших фактов, характеризующих развитие социально - политической реакции в Советском Союзе\*), вернемся к нескольким принципиальным положениям. Характеризуя развертывающуюся сейчас в СССР «борьбу за трудовую дисциплину», «Социалистический Вестник» писал:

«Если даже поверить коммунистической печати, что недисциплинированность рабочих приняла в Советском Союзе в последнее время совершенно исключительные размеры, — разве устранение этого зла может быть достигнуто путем предельного усиления давления на рабочих? Или в Советском Союзе уже нужно доказывать, что недисциплинированность рабочих, поскольку она наблюдается, не является их естественным, органи-

\*) См. ст. в «С. В.» за текущий год: «Реакция переходит в наступление» (№ 1/2) и «Наступление развертывается» (№ 3).

обличал и критиковал в своих докладах коллеги Наркомтяжпрома и лично Орджоникидзе. В своем предсмертном «докладе» перед судом об этих фактах обычной халатности и плохой организации труда Пятакову приходилось поэтому менять лишь интерпретацию: объяснить, что эти самые факты были результатом его собственных вредных инструкций. Как видим, точность и определенность, столь поразившая «свидетелей» и служащая для них неопровержимым аргументом в пользу достоверности признаний, объясняется довольно-таки просто! Незадолго до своего ареста Пятаков совершил, по распоряжению того-же Орджоникидзе, инспекционную поездку по Киргизии и, по возвращении оттуда, совместно с Орджоникидзе выработал меры для исправления замеченных недостатков. На процессе Пятаков включил и эту поездку в свою вредительскую деятельность: он ездил-де для того, чтобы посмотреть, как выполняются его конспиративные «вредительские» инструкции! «Свидетели» поверили и этому и говорят о — цинизме.

Вообще с «цинизмом» дело обстоит так: из факта признаний делается вывод о вине, а из «доказанной» таким образом вины — вывод о цинизме спокойного и равнодушного тона признаний. Но каким-же тоном должны были говорить подсудимые, если признания даны лишь потому, что того хотел Сталин? Охотно соглашаюсь, что общим тоном было — отсутствие пафоса. Но намеком на вину оно могло бы быть лишь в том случае, если приписать подсудимым прирожденный цинизм. Откуда взяли его «свидетели»? Я-же с уверенностью говорю: если оценивать психологическую картину, развернувшуюся на процессе, то она отмечена тем достоинством, с каким держались подсудимые, несмотря на позорность и их признаний, и общей

чески присущим им свойством, а коренится в экономических и социальных условиях их существования? Что преодоление этой недисциплинированности возможно поэтому не путем или, по крайней мере, не столько путем усиления давления на рабочих, сколько поднятием их экономического, социального и культурного уровня?»

Казалось, для всякого последовательного демократа, тем более для всякого социалиста все это настолько бесспорно, что не нуждается в подробной аргументации. Каково же было наше удивление, когда мы прочли в статье Е. Д. Кусковой (в «Последних Новостях» от 24-го февраля) следующие, направленные, повидимому, против нашего органа строки:

«В противоположность некоторым защитникам „свободы“, исключаящей „давление на пролетариат“ в смысле принуждения его к дисциплине труда, мы — за дисциплину и за „давление“, т. е. в данном случае — **за намерение** (подчеркнуто К—ой) советской власти строгую дисциплину установить».

И дальше еще определеннее:

«Итак, мы **безусловно** (! С. Ш.) за „трудовую дисциплину“. И за „понууждение“ к ней».

Правда, Е. Д. Кускова полагает, что «в советских условиях ни о какой дисциплине труда не может быть и речи» (что, конечно, неверно). Но ведь этим, пожалуй, тем более подчеркивается принципиальный характер неожиданной солидаризации Кусковой с новейшей социально - политической реакцией в Советском Союзе.

Мы привели эти выдержки отнюдь не из любви к полемике. Но если даже такая безупречная демократка, как Е. Д. Кускова, имеющая за плечами почти полвека общественной работы и не один десяток лет близкого соприкосновения с рабочим движением, заговаривает о «защитниках странной „свободы“» и высказывается

ситуации, достоинством поразительным и более красноречивым, чем все отчеты о процессах...

Сокольников: Он сидит в первом ряду. Скрестив руки на груди, с поднятой головой, совершенно безучастно смотрит вперед, иногда оборачивается в зал. То, что происходит вокруг, как будто совершенно не касается ни его, ни товарищей, ни революции. Ни презрения, ни возмущения, ни стыда. Иногда привычным жестом левой руки поправляет волосы на висках. Наверное так же сидел Сокольников в ложе английского парламента, следя за неинтересным заседанием. Года четыре перед этим я его слышал в Кремле, на заседании ЦИК'а. Речь была прекрасная, живая; ровный тон, быстрый, легкий ритм, интересное содержание счастливо выделяли ее из всего, что можно было слышать в Кремлевском парламенте. Но все-таки чувствовалось, что Сокольников (он говорил об успехах пятилетки) говорит не то, что думает. Видно было, что он говорит по тем-же тезисам, что и другие, и только благодаря его уму и таланту ложь принимает форму истины. Но здесь, на процессе, тезисы докладов были так глупо составлены, что ум и природная серьезность Сокольникова лишь подчеркивали их бессмысленность.

Был момент, когда прокурор, человек тоже не глупый, но взявший на себя обязательство выполнять глупую и нечестную роль, «допрашивал» Сокольникова. «На кого вы рассчитывали при террористической деятельности?» Ответ: «на иностранных капиталистов». Вопрос: «еще на кого?» — «На белогвардейцев!» Вопрос: «я не об этом спрашиваю. На поддержку рабочих рассчитывали?» Ответ: «конечно, нет». — «А на крестьянство?» — «Безусловно нет». — «На кого-же рассчитывали?» — «На кулаков!» Таким образом Сокольников, самый, быть может, умный и серьезный из

«безусловно... за „понуждение”», — это заставляет нас вновь вернуться к вопросу о принципиальных основах социально - прогрессивной трудовой политики.

Смешно даже доказывать, что мы тоже «за трудовую дисциплину». Спор идет не об этом, а том, какими методами может быть достигнуто упрочение трудовой дисциплины. С помощью ли усиления давления на рабочие массы (декабрьские постановления содержат богатый — хотя далеко еще не исчерпывающий — ассортимент средств давления на рабочих) и укрепления авторитарного начала в предприятиях, или же поднятием экономического, социального и культурного уровня рабочих масс. И социального — и это особенно важно. Социально прогрессивная политика упрочения трудовой дисциплины апеллирует не к чувству страха рабочих перед репрессией, а к чувству социальной ответственности и стремится не к упрочению авторитарного принципа, а к развитию начал социальной автономии рабочего класса, находящей в частности свое выражение в развитии свободных, независимых профессиональных союзов, построенных на началах действительной самостоятельности рабочих масс, в участии этих подлинных профсоюзов в установлении условий труда, в контроле над соблюдением трудового законодательства, в разработке и осуществлении разного рода мероприятия экономического и социального характера\*). Для выродившейся псевдо - коммунистической

\*) Только в этих условиях и репрессивные меры, которые в определенных, узких пределах могут оказаться неизбежными, утрачивают характер **давления** на рабочие массы.

политических деятелей большевистской России, «думал», что в стране и рабочие, и крестьяне, и все население до того довольны и до того любят Сталина, что рассчитывать оппозиция могла только на уже разбитых и не существующих кулаков, которых нужно сначала восстановить и собрать, чтобы с их помощью захватить власть! Некоторым свидетелям, надо полагать, и это показалось убедительным. Я-же, признаюсь, слушая Сокольников, думал, что одних этих слов его достаточно для полного провала процесса! И такие бессмыслицы повторялись на каждом шагу. Чтобы свести концы с концами, «свидетелям» пришлось бы, помимо прирожденного цинизма, допустить еще благоприобретенное в стенах ГПУ тупоумие!

А между тем Сокольников так же понятен, как понятны другие подсудимые. В свое время он предложил путь, по которому только и могла идти Россия, чтобы восстановить свое мировое положение и стать тем, чем должна быть: фактором равновесия и мира. В свое время Сокольников, без излишнего шума, указал и на другую истину: Сталин — не тот человек, который мог бы сплотить вокруг себя партию и население. Но партия отвергла тогда и те, и другие указания Сокольника. Она пошла на сверх-индустриализацию за счет деревни и на личную диктатуру Сталина. Сокольников тогда подчинился приказу партии и строго соблюдал в течение десяти лет дисциплину. Хороша или плоха политика партии, — это покажет когда-нибудь история. А пока нельзя менять линию. И особенно нельзя на краю могилы, у конца жизненного пути: так серьезные люди не поступают. И, по приказу Сталина, Сокольников признается скоро, без лишних проволочек. Пусть «свидетели» говорят, что он циник и агент капитализма! Их слово — не последнее слово истории!

Сокольников совершил «измену»: оставшись наеди-

диктатуры это книга за семью печатями. Для нее нет другого пути к укреплению трудовой дисциплины, кроме усиления авторитарного и репрессивного начал. Вот почему борьба за социально-прогрессивную трудовую политику неразрывно сливается с борьбой за преодоление режима сталинской диктатуры.

Сейчас мы как раз находимся накануне нового усиления авторитарного начала. С конца прошлого года советские газеты начали печатать множество статей и заметок о необходимости усиления авторитета мастера в предприятии. Вопрос в начале ставился осторожно: приводились факты ненормально низкой оплаты труда мастеров, когда заработок мастера оказывался ниже заработка многих из подчиненных ему рабочих, и подчеркивалась необходимость повышения уровня заработной платы мастеров. Все это бесспорно. Но очень скоро в высказываниях о «проблеме мастера» начали все отчетливее звучать уже совсем другие нотки: нужно усилить власть мастера, предоставив ему в частности право маневрировать фондом заработной платы путем повышения оплаты одних и понижения оплаты других рабочих; нужно предоставить мастеру право собственной властью увольнять рабочих. Словом, принцип «единоначалия» (стыдливый псевдоним авторитарного принципа) доводится до своего логического конца. Нетрудно представить себе, какую все это должно создавать обстановку в предприятиях и какие настроения вызывать в среде рабочих. В руководящих кругах компартии относительно этих настроений, повидимому, не строят себе никаких иллюзий. Недаром с первой половины февраля, когда началась кампания по подготовке 18-го съезда ВКП,

не с японским посланником, он ответил на какие-то таинственные вопросы его о Троцком. Какие могут быть здесь улики и свидетели? Ровно никаких. А Каменев, по словам самого Сокольника передавший ему инструкцию об этой «измене» и, по верению апологетов, в силу искреннего раскаяния перед смертью, а отнюдь не в силу каких-либо улик, рассказавший чистосердечно обо всем, что знал, об этой инструкции все-же не сказал! \*). Радек-же, имевший подобную инструкцию непосредственно от Троцкого, признался после Сокольника (других-же свидетелей, если не считать японского посла и Троцкого, вообще быть не могло). Но это еще не все: получив инструкцию Каменева, Сокольников не потрудился посоветоваться с другими членами «резервного» центра и изменил, не спросив никого. И, наконец, «изменяя», он как будто и сам не знал, что изменяет: когда через месяц после «измены» и через четыре месяца после получения «инструкции» Каменева он впервые заговорил об этом

\*) Объясняется эта загадка очень просто. Следователи, диктовавшие признания второго процесса, не те, которые диктовали признания первого, и совершенно не считали нужным хоть сколько-нибудь согласовать свою работу с работой предшественников. Ничто, пожалуй, не является лучшим доказательством тупости и бесцеремонности инсценировщика, чем это обстоятельство: процессы противоречат друг другу и друг друга опровергают! Основное противоречие между первым и вторым процессом, проявляющееся в бесчисленных деталях, заключается в следующем: по признаниям на первом процессе судившийся тогда «центр» был активным, а «центр» Радека и Сокольника только запасным, предназначенным принять руководство «террористическими группами» лишь в случае провала первого. По признаниям-же на втором процессе выходило, что этот «резервный» центр «действовал» одновременно с первым и притом способами, куда более явными и с конспиративной точки зрения чепелыми, чем первый!

обсуждение в прессе проблемы мастера было заметно придушено: нужно ведь создать для съезда хоть сколько-нибудь благоприятную общественно - психологическую обстановку. После съезда все можно будет наверстать.

Пока приходится довольствоваться декабрьскими постановлениями. В предыдущем номере «С. В.» приводились уже данные, характеризующие влияние нового социально - политического курса на условия жизни и труда рабочих. Терроризирование рабочих перспективой увольнения за прогул особенно рельефно сказывается понижением — «заболеваемости». За последние недели этот результат новой политики обнаружился с исключительной отчетливостью. Это не значит, конечно, что рабочие меньше хворают. Но при очень тяжелых заболеваниях они часто продолжают работать, частью потому, что не решаются идти к врачу, частью потому, что врачи все труднее выдают больничные листки. Официальная печать пытается, правда, объяснить это сокращение данных о заболеваемости прекращением симуляции. Но вот, например, на предприятиях Ташкентского текстильного комбината заболеваемость с января «снизилась примерно в три раза» («Труд» от 10-го февраля). Так что же, до сих пор среди считавшихся больными рабочих комбината две трети составляли симулянты? Кому может показаться убедительным этот аргумент?

Сокращение заболеваемости обеспечивается — преданием суду врачей, недостаточно восприимчивых к новым веяниям. Вот, фабком (!) Московской шелкоткацкой фабрики им. Шербакова «передал следственным органам дело о врачах, выдавших больничные листки прогульщикам» («Труд» от 8-го февраля). Это первая ласточка, но «Труд» уже спешит обобщить этот опыт: «От профорганизации требуется жесткий контроль за выдачей больничных листков... Надо решительно покончить со всеми извращениями в практике выдачи больничных листков, привлечь к строгому ответу врачей, которые своей халатностью покровительствуют лодырям, прогульщикам и симулянтам» (передовая от 15-го февраля).

Выдвигание на первый план фабзавкомов и профсоюзов в качестве активных проводников новой антирабочей трудовой политики составляет характерную черту нового курса. От «защитной» ориентировки профсоюзов, провозглашенной на 6-м пленуме ВЦСПС, сейчас уже ничего больше не остается.

деле с Радеком, его рассказ начинался словами: «представьте себе!»...

Цепко ухватился наш «свидетель» за Дробниса. Дробнис на процессе «запинался, путался и стремился какнибудь вывернуться». Тот факт, что только о Дробнисе «психологические наблюдения» приняли такую конкретную форму, доказывает, что других подобных случаев свидетель так и не уловил. А Дробнис, еврейский сапожник, особенно выдвинувшийся в гражданскую войну и трижды приговоренный к смерти (подробность, наверное тоже подстроенная «вредителем!»), и в самом деле запинался и переступал с ноги на ногу!

Однако, я хорошо помню этот случай. Дробнис вообще отвечал вяло, коротко, имел вид человека ослабевшего и утомленного; давая свои показания, он часто опирался грудью на барьер. Но эти его движения стали особенно «подозрительными» в конце допроса. У прокурора уже не было вопросов, но председатель, которому нужно было иногда вставить и свое слово, спросил Дробниса, что же они (вредители) думали о честных специалистах. Но Дробнис никак не мог по-

Другой, до сих пор не отмеченной в нашем журнале характерной чертой новейшего развития является появление среди директоров предприятий и начальников цехов большого числа «перестраховщиков». Это было неизбежно: когда понятие «покровительства прогульщикам» приобретает такой широкий и расплывчатый смысл и преступление это карается так строго, а всякая попытка оправдаться и аргументировать неприменение суровых мер в «борьбе за трудовую дисциплину» заранее встречает враждебный прием и глубокое недоверие, — директора предприятий и начальники цехов часто просто теряют голову, и кары градом сыплются на рабочих. Если грубость этих мер приобретает слишком откровенный характер, приходится дезавуировать переборщивших в своем усердии администраторов. Тогда они объявляются «перестраховщиками». Вот типичный пример:

«Среди административных работников завода («Мостласткож» № 2 в Москве) нашлись явные перестраховщики, увольняющие работников, не заинтересовавшись даже причинами неявки их на работу.

Так, напр., 23-го января была уволена кадровая работница Капустина. Как выяснилось, она не пришла на работу потому, что согласно графику этот день на заводе должен был быть выходным. О том, что день отдыха переносится, администрация завода сообщила лишь накануне, после окончания смены, когда многие рабочие, в том числе и т. Капустина, уже ушли домой (Характерно это «перенесение» дня отдыха распоряжением администрации, сообщаемым рабочим в последнюю минуту; но в Советском Союзе к такого рода безобразным фактам так привыкли, что редакция профсоюзного органа даже не замечает их. — С. Ш.). Ясно, что т. Капустина допустила прогул по вине самой администрации. Но начальник цеха Кричевский, чтобы перестраховать себя, уволил т. Капустину.

— Я тебя уволью, а как только ты восстановишься, я с охотой приму тебя на работу, — успокаивал он работницу» («Труд» от 16-го февраля).

Бывают и гораздо худшие случаи:

«В нарсуде Пролетарского района (г. Москвы) рассматривался иск работницы фабрики-кухни № 5 т. Федяевой о восстановлении на работу. Федяева была уволена якобы за опоздание больше, чем на 20 минут. На суде выяснилось, что Федяева беременна, живет за городом. Отправляясь на работу, она вынуждена была пропустить переполненный поезд и опоздала поэтому на 10 минут. Еще 15 минут она задержалась в переполненной раздевалке на фабрике». Суд удовлетворил иск Федяевой («Труд» от 10-го февраля).

Печать отмечает такие случаи все чаще. «Перестрахование» приобретает, повидимому, такой широкий ха-

нять, что, собственно, председателю нужно, и снова наступил один из тех тягостных моментов, когда подсудимые перебирали в своей памяти свои предварительные показания, чтобы вспомнить требуемый ответ! Но на этот раз вопрос председателя был сформулирован особенно неудачно, и Дробнис, в свою очередь, особенно «запинался»... «стремился вывернуться». Молчание Дробниса продолжалось долго, пока председатель, нервно стуча карандашом по столу, не догадался наконец... подсказать ему ответ:

— Вы не хотели возложить на честных технических работников вашу вину?

Тут Дробнис понял и даже вспомнил случай с каким-то Носковым, которого вредители хотели выставить «вредителем», чтобы отвлечь внимание, и т. д. Дробнис спас председателя от провала, а «свидетель» нашел очень ценное психологическое доказательство... против Дробниса, конечно!

(Окончание следует).

Перепечатка воспрещается.

рактер, что оно начинает подтачивать основы новой политики борьбы за трудовую дисциплину, и мы не удивимся, если вскоре — по сталинской логике — «перестраховщики» будут повышены в чине и объявлены вредителями на службе у иностранных разведок.

Эта перестраховочная эпидемия заслуживает внимания и с другой точки зрения. Она является яркой иллюстрацией внутренней порочности новой трудовой политики и напоминает о непрочности достигаемого

такими методами и в условиях всеобщего беспорядка и запуганности под'ема трудовой дисциплины. Недаром, может быть, из наиболее чувствительной в отношении трудовой дисциплины отрасли промышленности уже раздался тревожный сигнал: в угольной промышленности «по многим трестам в последнее время число прогулов увеличилось в сравнении с январем» («Индустрия» от 27-го февраля, передовая).

**В. АЛЕКСАНДРОВА.**

## Литературно-революционные портреты

3. Лидия Сейфуллина.

Среди писателей первого десятилетия революции имеется немало имен и более ярких, и более талантливых, чем Лидия Сейфуллина. Не случись в России революции, она едва ли бы вообще стала писательницей и в лучшем случае была бы писательницей провинциального масштаба. И тем не менее успех Сейфуллиной и место, которое за нею останется в литературе первого десятилетия революции, заслужены ею. Своей ролью в литературе Сейфуллина обязана той органической социальности, которую проникнуто все ее дарование.

В 1922 году в журнале «Сибирские Огни» была напечатана первая вещь писательницы «Четыре главы», переделанная ею из рассказа «Актрисина смерть» и забракованная до революции «Вестником Европы». «Четыре главы» остались в Москве совсем незамеченными. В сибирской же провинции рассказ очень понравился. Это неслучайно: культурный и литературный уровень столиц в начале революции был почти так же высок, как и в дореволюционное время, и так же, как и прежде, велик был разрыв между тем, что интересовало столицы и провинцию. В то время, как в обеих столицах революции модны были самые последние веяния литературного Запада, провинция довольствовалась своими уездными «Ньютонами», питалась старой народнической манерой письма, в эти старые рамки вкладывая живое знание о настроениях народа и мелкобуржуазной интеллигенции захолустья. Неслучайно, однако, именно из этой отдаленной провинции пришли писатели, которым удалось показать социальный охват революции, на судьбе своих провинциальных героев выявить органичность тех проблем, которые многим столичным литераторам казались измышлением ловких демагогов. В этом провинциальном писательском молодняке Сейфуллина и заняла одно из первых мест, на всю страну и за ее пределами прославившись «Перегноем» и «Виринеей».

По своему рождению и работе органически связанная с крестьянством и народнической интеллигенцией Сейфуллина, не мудрствуя лукаво, сумела показать настроения этих народных низов во время мировой войны и в первые годы революции.

Сейфуллина, как и народные массы, которые она изображает, всегда конкретна, всегда идет от малого. Эта конкретность мышления народа схвачена писательницей очень метко: Вот в деревню конца мировой войны приезжает оратор из города, чтобы убедить крестьян в необходимости воевать «до победного конца»: Но «ни о победах, ни о поражениях, ни о ходе войны, ни о численности армии, ни о мощи ее не расспрашивали» крестьяне, говорили о малом. Каждый о своем. Разбивали расспросами армию на Митриев, Иванов, Василиев. «...Это свое, кровное, что отдано для войны, и счет которому в отдельности ведут они».

Итог этих разрозненных счетов был подведен в рево-

люции. Но и здесь писательница остерегается от трафаретно-восторженных описаний и высокопарных слов. Когда солдат Павел Сулов («Виринья»), вернувшись из города, сообщил Виринее, что в городе революция, царь отрекся от трона, она была удивлена, но не захвачена. Она попросила объяснить ей смысл происходящих событий: «Ты нашему народу, вот мне хоть, лучше не про царя скажи, а становой как? Останется?» И когда Сулов ей сказал, что станового уже нет, он сбегал, она воскликнула: «Вре-ешь?! Ну, вот это дивь».

Лучше всего удаются Сейфуллиной массовые зарисовки: Вот на улице провинциального городишки появляется первый отряд Красной Гвардии — «свободного войска трудящихся». Он непохож на регулярное войско: голь, шантрапа, безусая молодежь, инородцы, вперемежку поют они русские и киргизские песни. «Это соединение киргизской песни, бестолкового гомона разношерстной, по виду убогой, разногласной, разноязычной толпы, собравшейся на улице мешанского захолустья, и слов огромного масштаба, истинно торжественных, бьющих отвагой вызова всем, всем, — было дико, страшно и бодрило душу величьем, непонятным равной кучке — рати смельчаков, появившихся во всех городишках вз'ерошенной РСФСР, чтобы лечь перегибом ее полей. Эти большие слова были для них только звоном своего села: чтобы была своя пашня, чтобы проткнуть пузо своему кулаку Миколаю Степану, чтобы разогнуть спину, из своей глотки услышать крик вольный, непривычный «наша власть!». («Перегной»).

Сейфуллина не боится «обидеть» революцию показом злых и трагических ее черт, не оскорбляет ее сюсюканием. Далеко не все крестьянство возрадовалось революции. Здесь действовал отчасти закон инерции: издавна привыкшая к тому, что всякая власть дается мужику «не для услады, а для надсады», не больно обрадовалась сначала деревня новым порядкам: старая «надсада», как «старый разношенный хомут, уже привычной была», новая беспокоила, заставляла «трясти мозгами», а главное — новая будила «самую страшную стихию — кровь человеческую». Малолетние мальчонки лихо пели, не боясь шлепков, «вставай проклятым закломенным», зашаталась старая, исконная деревенская жизнь, шалая заходила ходуном деревня; заугрюмили деревенские крепкие мужики, почуввав в воздухе приближение опустошительного и страшного социального бурана.

Удачно переданы черты этой тронувшейся деревни в образе бедняка Софрона в «Перегное». Еще на фронте стал Софрон сочувствовать тем, кто был за немедленное окончание войны и в родной деревне объявился «большевиком». В прежние времена был он пьяницей, бедняком, распоследним мужичонкой, а ныне, нако-сь, всюду ему почет и уважение! Подстегиваемый этим

признанием, захотел Софрон отвесть чистенькой жизни с деревенской учительницей Антониной Николаевной. Сам того не замечая, становится Софрон похож на прежнего старорежимного старшину Жиганова, впитывая в себя «яд командирства». Случай отрезвил его: чистенькая учительница оказалась обманной мечтой, расчетливой и с червоточинкой. Разоблачив ее, озверел Софрон против «чистеньких», которые грязнее нас грязных, да темных. Бывая в городе, нарочно запасался для деревни «самых дерзких приказов», радовался, наблюдая, «как заходила рваная рать маломочных в грозном беспокойстве». Но не дремали и прежние силы деревни. Повесть кончается гибелью всех первых деревенских большевиков, которых порубили, надругавшись над ними, казаки.

Сейфуллина — реалистка по преимуществу. И только в одной повести она несколько уклонилась от реализма, пойдя по стопам раннего Горького, написав «Виринею». В чисто художественном отношении, может быть, «Виринея» и слабее «Перегноя». И все-таки, успех «Виринеи», создавшей славу Сейфуллиной не только в Советском Союзе, но и в Западной Европе, понятен.

Виринея — молодая, красивая крестьянская девушка, керячка, из старообрядческой семьи. Строптивая, все чего-то ищущая, она рано порывает с родными и уходит в город, где поступает в услужение. Город разочаровывает ее. Интеллигенты, у которых она служит, раздражают ее, дают ей читать какие-то скучные книги «про бедный народ», доказывая, что все люди — что господа, что мужики — равны. «Конючие» они, «снудые» — отзывается она о них. В городе она сходится с крестьянским парнем и возвращается в деревню: «Проше у нас, двинут, дак без разговоров двинут. Уж терпеть, дак от своих».

Терпеть ей пришлось много: деревня отнеслась к Виринеи осуждающе: невенчанная. Озлобилась Виринея и не столько за злой бабий язык, сколько на судьбу: парень-то, которого полюбила, оказался болящим и немощным. «Тревожлива неродящая баба», закрутилась, закуралесила и Виринея. От мужа ушла, поступила работницей. За свободную, вызывающую манеру держаться пошла о ней слава, как о гулящей. Разгадал душу Виринеи вернувшийся с фронта солдат Павел Суслов. Да не долго длилось счастье Виринеи. Ее убивают во время восстания, когда силы старой деревни временно взяли верх. Накануне занятия деревни казаками родила Виринея от Сулова. Получив записку, что ей нужно скрыться, она поручает новорожденного бабке, но кровь берет свое: ночью волчицей пробирается она к дому, где ее поджидает засада. Хотя конец «Виринеи», как конец большинства произведений Сейфуллиной, грустный, на этот раз читателю негрустно: смерть Виринеи помогла ему увидеть в ней не только олицетворение новой женщины, которою поставила на ноги революция, он захотел и увидел в ней и символ революционной деревни, которую уж никакие силы не смогут больше своротить на старые пути.

Наряду с изображением деревни в революции, много внимания уделила Сейфуллина и освещению взаимоотношения демократической интеллигенции с Октябрьской революцией. Эта тема, в частности, является центральной в романе «Путники». Здесь, однако, Сейфуллина менее удачна, чем в своих крестьянских вещах. Герой романа, учитель с.-р. Литовцев в одинаковой степени отгалкивается от большевиков за их методы, и от контр-революции, с каждым днем ощущая свое растущее одиночество. Его друг, учитель Лебедев, перешедший от с.-р. к большевикам, так наставляет его: «Слушай ты,

народник-интеллигент, ты долго был телефонистом у народа. Передавал ему прекрасные мысли, святые мысли. Но неужели ты сейчас не знаешь, что провода порваны? Надо итти, бежать прямо к ним». Почти все социалисты-революционеры изображаются писательницей «мягкотелыми» интеллигентами, боящимися «запачкаться» о методы большевистских «демагогов». Сейфуллина, как известно, сама была эсеркой и только в 1919 году порвала с партией. Уже по одному этому она, конечно, не могла изображать с.-р. «контр-революционерами» и «агентами контр-разведки», как это тогда было принято в официальной публицистике. Но она не сумела и встать выше обывательско-коммунистического толкования, объяснив поражение эсеровской партии «мягкотелостью». Она не сумела разобраться в самой себе и в причинах, толкнувших ее уйти от них. На разрыв с партией с.-р. толкнула Сейфуллину ее органическая социальность, смутное, но горячее, иррациональное чувство: когда восстают народные низы, надо быть с ними, а не против них. И сама она, даже не пошла, а именно «побежала» к ним!

Это сильное инстинктивное чувство — надо быть с народными низами! — которым пронизано все, что написано Сейфуллиной о первых годах революции, и позволило Воронскому, самому крупному литературному критику нэпа, позже разоблаченному переродившимся режимом как «контр-революционер», сказать о Сейфуллиной: «ее называют попутчицей; но в ее художественном восприятии нашей эпохи больше коммунизма, чем иногда у тех, кто своей специальностью избрал травлю попутчиков... Сейфуллина — деревенская, низовая, Октябрьская».

Далеко не все однако было благополучно в стране победившей революции. Наличие глубоко скрытых конфликтов внутри победившей революции не замедлило сказаться на творчестве Сейфуллиной. Она начинает внутренне метаться перед лицом трагических неполадок, выражающихся в циничном использовании революционного радикализма в целях личной карьеры, в росте индивидуализма, приспособленчестве и пр. Она много думает. Результаты этих раздумий вложены в уста — как это часто бывает в произведениях советских писателей — специально для этого созданной фигуры, крестьянина Кудашева («Каин-Кабак»). Он прибежал в Советский Союз из плена, когда бежал, то думал, что «у нас все хорошо, все без задоринки, а увидел много плохого. Ну, все-таки не забуду, как я к ним через страсть бежал. Добег — не уйду. Вроде как через те трудности кровная моя семья стали большевики. В другом месте я чужак, а здесь все свое. Где и за смердит, дак ведь своя болячка, не отплонешься, лечить станешь».

Переселившись совсем в столицу, Сейфуллина и посвящает свое творчество лечению «болячки» домашними средствами. Уже на излете нэпа темы ее мельчают, чувствуется, что писательница не удовлетворена ни своей жизнью в столице, ни своим творчеством. Она ударяется в то самое, немножко высокопарное и старомодное, морализирование, которое она так умела подмечать в учительницах-народницах в начале революции, сама становится резонеркой: «Тот, кто взялся творить, воссоздавать жизнь, не может воспроизводить только шаг победителя, хотя бы его победа была самой существенной и непреложной в свете исторической науки и жизни... Победителя не судят, это выдумал раб. А друг, собрат, соплеменник, ровесник обязан судить именно победителя».

Но именно на суд над победителем у нее самой не хватает, может быть, таланта, а больше все-



го — не хватает страсти. Печать глубокой скорбной с ко н ф у ж е н н о с т и лежит на редких ее рассказах периода пятилетки. Только иногда, на короткое мгновение, и то лишь в публицистике, а не в художественных произведениях, прорывается Сейфуллина к большим, революционным решениям. Так, в 1934 году, в связи с начавшимся оживлением в советской общественности (оказавшимся, увы, кратковременным!) она написала статью «За здоровье преосвященного!», в которой бестрепетно коснулась язв современности: «Над нашей прозой и стихами читатель часто плачет там, где мы не ожидаем слез». Происходит это оттого, что «что мы творим легко, безответственно и «сплошную красной краской малюем небо и забор»... Наша любовь к строю, ко всему, что крепит СССР, в произведениях наших малосильна. Эта любовь нам светит как маленький фонарик. При его свете мы часто кричим ура, когда надо кричать «караул». В старой России пышные речи кончались всегда тостом «за здоровье преосвященного», у нас иная концовка: «теснее под знамена, под руководство коммунистической партии... Но малозначи-

тельность одинакова и одинаково слабо воздействие на внимающих»...

Так мучительно ясно отдавая себе отчет в слабостях современных художественных произведений, Сейфуллина бессильна повернуть. Да и поколение людей, делавших Октябрьскую революцию в провинции, сходит уже со сцены, вместе с ним со сцены сходят и писатели, интимно связанные с нею. Сегодняшней молодежи не до Сейфуллиной, не до «болезненной работы совести», которая занимает так много места в ее рассказах...

Вдумываясь в написанное ею, вспоминаешь большие раковины, которым любили украшать российские провинциалы скромные свои обиталища. С виду раковины неуклюжи. Но стоит поднести их к уху, как забываешь их неуклюжесть, запыленность: таинственно и, по своему, мощно доносится из них плавный, стройный, волнующий шум — память о великой водной родине. Так и рассказы Сейфуллиной: при некоторой старомодности письма, провинциальности литературных приемов они волнуют своим настроением, в котором навсегда запечатлена память о начале большой народной революции.

**Р. АБРАМОВИЧ.**

## Может ли Германия победить в грядущей войне?

Чем ближе надвигается опасность новой мировой войны в результате агрессивной политики тоталитарных государств, в особенности Германии, тем больше военные стратеги, политики и экономисты стараются, — на основании теоретических исследований и опыта мировой войны 1914-18 гг., — выяснить шансы и возможные перспективы обеих сторон в предстоящем гигантском конфликте. Число работ и исследований, написанных за последние годы на эту тему, исчисляется десятками, — если брать только самые солидные и крупные, — сотнями — если принять во внимание статьи, брошюры и т. п.

К числу наиболее серьезных и интересных работ в этой области принадлежит недавно вышедшая на английском и немецком языках книга известного марксиста-экономиста Ф. Штернберга: «Военная мощь Германии» (нем. изд. Париж, 1939, 348 стр.).

Не будучи военным специалистом, Штернберг совершенно оставляет в стороне военно-стратегическую и чисто-техническую сторону дела. Это несомненно является большим достоинством книги, ибо военная техника в собственном смысле слова до такой степени усложнилась в современных армиях и ее изучение требует настолько специализированных знаний, что для штатского человека она фактически является областью совершенно недоступной, о которой он может судить только на основании данных из третьих или четвертых рук, причем данные эти зачастую намеренно искажены и фальсифицированы. С тем большим знанием дела Штернберг анализирует экономическую сторону военного потенциала Третьего Рейха, его возможных союзников и его вероятных противников в грядущей войне.

При всех своих исследованиях Штернберг исходит из предположения, что будущая мировая война будет не «молниеносным ударом», не кратковременной «военной прогулкой», а многолетней тяжелой борьбой, в которой должны будут быть доведены до крайнего напряжения все без остатка физические и экономические ресурсы страны. Германский генеральный штаб это

прекрасно сознает. Один из наиболее авторитетных военных писателей в современной Германии, полковник Томас пишет по этому поводу: «Обманчивая установка на короткую войну уже однажды привела нас к катастрофе. Мы, поэтому, и в эпоху аэропланов и танков не должны тешить себя надеждой на короткую войну. Уголь, железо и нефть будут иметь в грядущей войне такое же значение, как размах операций или геройство войск».

Ни для кого нет сомнения в том, что в грядущей войне будут с обеих сторон принимать участие многомиллионные армии, как это было и в 1914-18 гг. Разница будет только та, что будущая война будет еще в гораздо большей степени механизированной и механизированной, чем та, которая закончилась в ноябре 1918 года.

Этот процесс механизирования армии чрезвычайно ярко сказался еще в ходе прошлой войны. Если сравнить, напр., техническое снаряжение французской армии в 1914 году, в начале войны, и в 1918 г., при ее окончании, — то получится такая картина:

Число	1914	1918
Солдат	2.500.000	2.800.000
Легких пулеметов	0	47.000
Тяжелых «	2.000	18.000
Танков	0	2.500
Полевых орудий	3.900	5.600
Тяжелых «	300	5.200
Аэропланов	200	3.200
Автомашин	9.000	88.000

Самой собой разумеется, что по окончании мировой войны процесс механизации современных армий не остановился, а пошел еще дальше. Это легко видеть опять-таки на примере французской армии.

Пехотная дивизия французской армии имела в своем распоряжении:

	в 1914 г.	в 1929 г.
Пушек	36	144
Тяж. пулеметов	24	113
Боевых авто-машин	0	20
Самолетов	0	30
Легких пулеметов	0	377

Но механизация современной дивизии проявляется не только в том, что она располагает большим чем в прошлые годы количеством военных орудий и машин, но и в том, что самое передвижение и этих машин и людей все больше совершается, даже в пехотных частях, при помощи моторной силы. А это означает оборудование армии огромным количеством авто-машин всякого рода.

Этот процесс механизации армии не только ставит в распоряжение каждого солдата большее количество военных орудий, но и ставит армию, а, следовательно, и грядущую войну во все большую зависимость от военной промышленности, от степени индустриализации страны.

В том же направлении действует и тот факт, что параллельно с ростом числа военных машин, растет и потребление военного материала (аммуниции) в современных сражениях. Уже прошлая мировая война показала, насколько самые богатые запасы аммуниции оказываются ничтожными по сравнению с тем сказочным потреблением аммуниции, которое имело место даже в первый год войны, не говоря уже о последних месяцах ее. Достаточно указать, что в 1915 году в знаменитых боях в Шампани приходилось снарядов:

На полевую пушку	349
« легкую гаубицу	325
« тяжелую «	171
« мортиру	118
« 75-мм. пушку	247

и т. д.

Если положить в основу эту таблицу, то оказалось бы, что всего запаса аммуниции, которым располагала Германия, лучше всех других стран подготовленная в 1914 г. к войне, могло хватить на 2-3 недели крупных боев. Но война, как известно, продолжалась 4 с лишним года. Следовательно, наличные запасы аммуниции, имевшиеся в европейских государствах к моменту начала войны, составляли совершенно ничтожный процент того количества военного материала, который был израсходован в войне 1914-18 гг. Весь остальной материал: орудия, ружья, танки, авто-машины, аэропланы, равно как и вся аммуниция и пр., в своем подавляющем большинстве, а подчас и целиком были произведены индустриями соответствующих стран в самом процессе войны, так сказать, «на ходу». Отсюда видно, какое огромное значение не только в прошлой войне, но и в той будущей войне, о которой мы говорим, будут иметь промышленные возможности, ресурсы промышленного сырья, промышленная организация, способность быстро перевести промышленность на военную ногу, наличность промышленных кадров и достаточного числа квалифицированных специалистов и рабочих и ряд других элементов, образующих в своей совокупности военно-промышленный потенциал страны.

Война все больше становится функцией промышленности. Успех в войне все в большей степени будет определяться тем военно-промышленным потенциалом, о котором мы говорим. Но так как современная промышленность и ее военный потенциал совершенно неотделимы от ее основных элементов промышленного хозяйства, то, по мнению Штернберга, старую максиму Фридриха Великого, что бог войны всегда на стороне «наибольших батальонов», можно перефразировать примерно так, что бог войны всегда на стороне тех стран, которые располагают наибольшим количеством промышленно используемого угля, железа и нефти.

Если под этим углом зрения подойти к тем двум возможным коалициям, которые рисуются в грядущей войне между тоталитарными государствами и так наз.

блоком демократических государств, то картина, примерно, такова (в милл. тонн):

Годы	Соед. Штаты	Англия	Франция	Россия	Германия	Япония	Италия
По добыче угля:							
1913	517,0	292,0	41,0	30,7	190,1	17,6	0,7
1937	444,25	245,07	44,33	122,57	184,51	41,4	1,2
По добыче железной руды:							
1913	63,0	16,0	22,0	9,5	29,0		
1937	73,32	14,87	37,77	30,00	8,52	1,30	
По производству чугуна:							
1913	31,0	10,0	5,0	4,6	19,3		0,4
1937	36,61	8,50	7,92	14,52	15,96	3,30	0,8
По производству стали:							
1913	32,0	8,0	5,0	4,79	18,94	0,05	1,0
1937	49,50	12,96	7,90	17,82	19,85	5,75	2,0
По добыче нефти:							
1913				9,20	0,12	—	
1937	125,0			26,30	0,45	0,6	

Как видно из этой таблицы, то гигантское превосходство, которое в военно-экономическом отношении страны Антанты имели в свое время над странами австро-германского блока, не только не уменьшилось, но даже еще значительно увеличилось в настоящее время, несмотря на переход на сторону Германии двух дрежав (Японии и Италии), в свое время принадлежавших к Антанте.

	Дем. блок	Тотал. блок
Уголь	855 мил. т.	226 мил. т.
Железо	67 «	20 «
Сталь	88 «	28 «
Нефть	150 «	1 «

Но это усиление превосходства в известной степени объясняется огромным ростом промышленного потенциала России, произошедшим за последние десять лет.

Штернберг не принадлежит к числу безусловных поклонников Сталина, его методов управления и успехов его индустриализации и коллективизации. Возможно однако, что он их все же расценивает выше, чем мы. Тем не менее, если оставить сейчас в стороне проблемы обще-политического и социального порядка, а подойти к делу с точки зрения военной промышленности и военно-промышленного потенциала Сов. России, то нельзя не согласиться со Штернбергом, что если во время прошлой войны Россия могла немецким 190 милл. тонн угля противопоставить 30, то теперь она может бросить на весы 122; 18-19 миллион немецкого чугуна или стали Россия могла противопоставить в 1914 году круглым счетом 4-5, а теперь — 15-17.

В военном отношении это означает, что в то время, как в 1914 году Германия должна была лишь одну пятую своей артиллерии бросить на русскую границу, а четыре пятых сохранить для западного фронта, она теперь должна будет — по вычислениям Штернберга — пяти рядам русских пушек противопоставить ровно столько же рядов немецких.

Иначе говоря: если к вопросу о перспективах будущей войны подойти исключительно с точки зрения военно-промышленного потенциала, то не подлежит ни малейшему сомнению, что в случае новой мировой войны, в которой на одной стороне будет бороться коалиция Германии (даже увеличенной Австрией и Судетскими областями), Италии, Японии, Венгрии и каких-нибудь других более мелких государств, а на другой стороне — военный блок, включающий в себя Францию, Англию, Россию и Соед. Штаты, то победа тоталитарного блока совершенно исключена. Наоборот, поражение Германии и ее союзников и в новой войне математически так же неизбежно, как было неизбежно

но поражение германо-австрийской коалиции в 1917-18 гг. после выступления Соед. Штатов на стороне Антанты.

К тому же заключению подводит нас, по данным Штернберга, и анализ продовольственного положения обеих коалиций в грядущей войне. Что Соед. Штаты, Франция, Россия в отношении сельскохозяйственного сырья, продовольствия и т. п. занимают совершенно исключительно благоприятное положение, об этом не приходится долго рассказывать. Что касается Англии, то ее собственная сельско-хозяйственная продукция совершенно ничтожна. Но если соединенным силам британского, французского и северо-американского флотов удастся обеспечить свободу сообщения по океанам, то проблема снабжения Англии с ее гигантскими колониальными резервами является задачей легко разрешимой, как это показал опыт прошлой мировой войны. Совершенно иначе положение Германии: Германии и в мирное время не хватает собственного продовольствия, и в особенности кормовых продуктов для скота. Все попытки гитлеровского режима создать в этом отношении иное положение, чем в 1914 году, до сих пор не увенчались успехом. Если Германия в период 1909-1913 гг. производила лишь 80% необходимого ей сельско-хозяйственного сырья и продовольствия, то в 1933 году этот процент составлял 81, а в 1934 г. опять 80. С тех пор положение

стало во всяком случае не лучше: посевная площадь в 1937 году была в Германии на 650.000 га. меньше, чем в 1932 году. Но 20-процентный дефицит мирного времени в области продовольствия во время войны превращается в 33-процентный, ибо переход значительной части мужского населения в ряды действующей армии и на мобилизованные фабрики меняет конструкцию питания в сторону большего потребления как раз дефицитных продуктов (мяса, масла, белого хлеба и т. п.). Действительную автаркию во время войны может осуществить только страна, с.-х. производство которой в мирное время по меньшей мере на 40% превосходит ее собственное потребление. Но современная гитлеровская Германия вместо 140% производит только 80%. С другой стороны блокада Германии в будущей войне будет еще гораздо более острой, чем в войну 1914-18 годов. Из этого следует, что когда начнется война, то Германия, которая вынуждена была ввести у себя карточную систему еще задолго до начала военных действий, пройдет через полосу недоедания и прямого голода еще в гораздо более острой степени, чем это имело место в жуткие годы 1917-18. Как это отражается на военной мощи армии и страны, — об этом достаточно красноречиво говорит опыт прошлой мировой войны.

(Окончание следует).

## Заграницей

### ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ АНТАГОНИЗМЫ.

Волна студенческих демонстраций и массовых протестов в целом ряде польских городов могла явиться неожиданностью только для поверхностных наблюдателей польской жизни. На деле же этот взрыв негодования и возмущения, вызванный актами насилия над польскими студентами в Данциге, дал лишь выход тому глухому недовольству, которое вызывает в широких народных кругах германофильский курс польской политики. Это недовольство, выходящее далеко за пределы левых политических партий, усилилось особенно за последний год, когда, в виду громадных успехов германской агрессии в Центральной Европе, возрасла для Польши опасность превращения в бессильного вассала гитлеровской Германии.

Общая тенденция германской политики по отношению к Польше идет несомненно в сторону изолирования ее от возможных северных и южных союзников, которые облегчили бы ей противодействие германской тяге на восток и юго-восток и одновременно удержание тех территориальных позиций, которые достались Польше в результате Версальского мира. В этом отношении положение Польши за последний год значительно ухудшилось, несмотря на то, что ей удалось при расчленении Чехословакии отхватить Тешенскую область.

Начался этот натиск Германии на Польшу еще в марте прошлого года, непосредственно после аннексии Австрии, когда польско-германская борьба за влияние на Литву приняла особенно острый характер. Польше тогда удалось, в результате драматического пограничного «конфликта», добиться у Литвы прекращения долголетней борьбы за Виленскую область и восстановления нормальных дипломатических отношений. Но эта «нормализация» польско-литовских отношений, сулившая в будущем сближение между Польшей и ее северной соседкой, вызвала не только бурные демонстрации со стороны немецких национал-социалистов, но и усиленное давление Берлина на литовское правительство.

«Освобождение» мемельских немцев, с которым Гитлер не спешил, пока Польша и Литва находились во враждебных отношениях, было поставлено в порядок дня. Одновременно от Литвы потребовали не только пересмотра ее торговых договоров и предоставления всех ее хозяйственных ресурсов в распоряжение Германии, но и полного подчинения ее внешнеполитического курса — особенно по отношению к Советскому Союзу и к Польше — воле и указаниям Берлина. В результате всех этих мероприятий Литва очутилась почти в полной зависимости от Берлина. А «мемельский во-

прос» только потому еще не завершился открытой аннексией, что при сохранении мнимой «независимости» Мемеля (превратившейся в фикцию, особенно после декабрьских выборов в мемельский сейм) Гитлеру легче использовать эту крайне важную позицию не только для давления на Литву и Польшу, но и для распространения германского влияния на Латвию и Эстонию.

Параллельно с укреплением литовских позиций Германии, отрезывающим Польше путь к устью Немана, подвинулся вперед и другой процесс, угрожающий главному выходу Польши к Балтийскому морю, — процесс «нацизования» Данцига, тесно связанный с самим существованием Гдыни, единственной гавани Польши. О «свободном городе» Данциге и о статуте, гарантированном Лигой Наций и, в особенности, Польшей, говорить теперь не приходится. Фактически теперь в Данциге господствует тоталитарный режим, продиктованный из Берлина, и даже те крохотные привилегии, которые сохранились здесь за Польшей, с каждым днем все более урезаются, уступая место владычеству Германии над всем устьем Вислы. Какие бы торжественные заявления ни делались о сохранении польско-германской дружбы и о несокрушимости польских позиций на берегу Балтийского моря, — фактически соотношение сил здесь теперь таково, что Германия в любой момент может закрыть Польше выход к Балтийскому морю. Надежды руководителей польской политики, на возможность купить «мир» и «дружбу» у Гитлера пожертвованием Данцига и поддержкой германской агрессии оказались утопией. Опираясь на Данциг, Гитлер обращает теперь острие своей агрессии против самой Польши, ставя под вопрос не только польские позиции на устье Вислы, но и весь «польский коридор», Познань и Верхнюю Силезию.

\*\*

Крушение этой утопии сказалось, в сущности, уже после сентябрьских событий прошлого года, когда после расчленения Чехословакии вся сила германской «динамики» направилась на восток и юго-восток. В течение пяти лет польская политика надеялась отвлечь от себя германскую агрессию, направляя ее на юго-восток, на соседнюю Чехословакию. Теперь же она очутилась сама у разбитого корыта, потеряв тот единственный надежный оплот, на который она могла бы опереться при осуществлении германской «тяги на восток».

Создание, по берлинскому приказу, «Карпатской Украины» в восточной части Чехословакии было ударом не столько по несчастной стране, отданной на поток и разгромление германского империализма, сколько по Польше и — отчасти

— по Румынии. Ясно было, что Германия преследовала здесь двойную цель: ей важно было захватить стратегическую позицию на Карпатах, чтобы помешать образованию общей границы между Польшей и Венгрией и сохранить возможность двинуться отсюда на Румынию и на Советскую Украину, и ей столь же важно было заручиться позицией для введения «самосийной» украинской агитации не только в Советскую Украину, но и в те польские и румынские области, которые населены преимущественно украинцами. Ибо та «велико-украинская» программа, которая выставлена теперь германским империализмом, добивается «освобождения» не только 30 миллионов украинцев в Советской России, но и 5,5 миллионов в Польше и 1,5 миллиона в Румынии.

Перед лицом этой опасности (которая для Польши и Румынии по географическим и социальным причинам значительно реальнее, чем для Советского Союза) польское правительство рискнуло даже, наперекор Берлину, оказать сильное давление на Венгрию и добиваться содействия Румынии и Италии для создания, путем раздела Карпатской Руси, общей границы с Венгрией. Но Румыния отказалась поддержать это предприятие, а Италия, связанная своей средиземной и африканской политикой, вынуждена была уступить более сильному партнеру фашистской «оси». Венский «арбитраж», положивший конец этому спору при разделе добычи, оказался сильным дипломатическим поражением Польши, на которое последняя ответила поворотом в сторону Советского Союза и совместной польско-русской декларацией от 26-го ноября 1938 г.

Но позиция, захваченная Германией на Карпатах, в созданном ею украинском «Пьемонте», оказалась все же достаточно внушительной, чтобы вызвать брожение в польско-украинских областях и усилить — по образцу аналогичных явлений в судетских областях — движение в сторону «автономии». Когда в начале декабря украинское коло внесло в польский сейм законопроект о предоставлении территориальной автономии Восточной Галиции, Вольни, Полесью и частям Люблинского, Краковского и Белостокского воеводства — законопроект, точно списанный с судетско-немецких проектов Генлейна лета 1938 г., — официозная «Газета Польска», правда, ответила решительным отказом. Но в тот же день, как передают из хорошо осведомленного источника, германское посольство в Варшаве дало знать министерству иностранных дел, что требования украинцев встречают полную и всемерную поддержку германского правительства...

Результатом этой интервенции, как и всей украинской игры Германии, было еще большее обострение польско-германских отношений. Две недели после совместной русско-польской декларации стоящий близко к министерству иностранных дел журналист Скоморжевский писал в «Газете Польской», что без войны создать самостоятельное украинское государство будет невозможно. Советская армия, правда, не годится для наступления. Но в данном случае она будет воевать для защиты собственной территории и сможет выставить одних только пехотных дивизий вдвое больше, чем Германия. Насколько согласованы были тогда выступления России и Польши против германско-украинской провокации, показывает еще и тот факт, что правительства обеих стран почти в один и тот же день (19-го и 20-го декабря) заявили пражскому правительству официальный протест против махинаций в Карпатской Украине.

\*\*

С тех пор произошла и в этом вопросе некоторая перемена декораций. Украинский вопрос так же внезапно был снят с очереди, как он несколько недель раньше был выдвинут на авансцену европейской политики. Было ли это сделано в виду неожиданного сопротивления со стороны Польши и сближения ее с Советской Россией, или же перемена курса была продиктована событиями в Испании и желанием Германии совместно с Италией направить острие агрессии на запад: против Франции и Англии — спорить об этом теперь незачем. Важно лишь то, что Германия и теперь отнюдь не отказывается ни от своих украинских планов, ни от своей политики «нейтрализации» Польши и превращения ее в своего послушного вассала. **Изменена тактика — цели же остались те же!** Методы открытой провокации оставлены, вместо угроз опять начинают прибегать к обмену дипломатическими любезностями, к министерским визитам (Бек в Берхтсгадене, Риббентроп в Варшаве), но суть **германо-польского антагонизма**, вскрывшегося так неожиданно после чехословацкой трагедии, остается неизменной. Более того: все те позиции, которые попали, отчасти по вине самой Польши, в руки воюющего пангерманизма (Данциг, Мемель, Карпатская Украина), обращаются теперь против Польши и служат для дальнейшего углубления этого антагонизма.

Это особенно относится к германской позиции на Карпа-

тах, где не только готовятся украинские дружины под командой немецких офицеров, но и завязываются сношения со всякими террористическими организациями в украинских областях, намеченных Гитлером для очередного «освобождения». А что касается пропаганды, то ей служат не только брошюры на Карпатскую Украину германские агенты, но и радио-станции Вена и Бреславль, специализировавшиеся на украинской агитации.

Важны, конечно, еще и те возможности, которые открываются германским агентам благодаря проникновению их в определенные круги украинского населения в самой Польше. Так из Восточной Галиции сообщают об установлении тесных связей между сельскими украинскими кооперациями и Германией. Немецкие инструкторы работают над «организацией» молочного хозяйства в Галиции и способствованием отправке молочных продуктов в Германию. А возвращающиеся оттуда пустые бочки оказываются иногда начиненными военными материалами...

Так извне и изнутри идет подготовка того похода, который намечен германским империализмом на востоке. Цель его — не только разгром и расчленение России, но и подчинение балтийских стран, Польши и Румынии германской диктатуре. И если германско-польский договор 1934 г. не мог целиком подчинить Польшу целям германской политики, то теперешнее методическое продвижение Германии на Данциг, Литву и Польскую Украину служит именно задаче связывания и обессиления Польши и полного подчинения ее захватническим целям германского империализма.

Чем дальше, тем яснее перед Польшей встает альтернатива: или еще теснее объединиться с Германией и вместе с ней, в качестве вассала и помощника, пойти походом на восток, или же, в последний момент, вернуться к самостоятельной политике и тесным сотрудничеством с западными демократиями и с Советской Россией помешать торжеству фашистской оси над теперешней Европой. Здоровый политический инстинкт подсказывает широким кругам польского народа ответ в духе второй части этой альтернативы. Окажется ли этот инстинкт достаточно сильным и действенным, чтобы направить политику Польши на новые рельсы — это один из самых жгучих вопросов не только для польского народа, но и для всей Европы.

А. Штейн.

#### В СОВЕТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

4-5 марта заседал в Париже Совет французской социалистической партии. Формально на повестке дня, кроме назначения дня и места ближайшего съезда партии (постановлено созвать его на 27-30 мая в Нанте), стоял лишь «рядовой» вопрос о внутреннем и международном положении. На деле все знали, — и враждебная социализму пресса особенно настойчиво подчеркивала это, — что на Совете партийное меньшинство (крыло Фор-Северака-Паза, так наз. «пацифисты») пытаются добиться, если не формального (по уставу невозможного), то фактического пересмотра так наз. «белицистской» резолюции, принятой в декабре Монружским съездом партии по инициативе Блюма-Жиромского.

Надо признать, что борьба за такой пересмотр, в которой и заключался главный интерес Совета, была не вполне успешной для партийного меньшинства. Правда, Монружское большинство и на Совете сохранило и даже чуточку усилило свой перевес: в Монруже за него высказалось 52,88 проц. всех поданных голосов (4.322 из 8.173), на Совете — 54,65 проц. (4.018 из 7.358). Но в то время, как в Монруже было 1.014 «воздержавшихся», на Совете «воздержавшихся» было лишь 200. Это значит, что многие, «воздержавшиеся» в Монруже, теперь голосовали за резолюцию меньшинства, и если взять лишь цифры голосовавших определенно за большинство или за меньшинство, то получится такая картина: в Монруже — за большинство 60,35 проц., за меньшинство 2.837 голосов) 39,65 проц.; на Совете — за большинство 56,15 проц., за меньшинство (3.140 голосов) 43,85 проц. «Пацифистскому» меньшинству удалось притянуть к себе значительную часть голосов, которые 2 с пол. месяца тому назад «воздерживались», — потому-ли, что еще не окончательно разобрались в вопросе, потому-ли, что, стоя на «крайней левой» позиции, «революционного» отрицания «защиты отечества» в капиталистическом строе, не сочли возможным примкнуть ни к позиции Блюма-Жиромского, ни к позиции Фор-Северака.

Чем-же объясняется этот относительный успех меньшинства, когда, казалось бы, весь горький после-миунхенский опыт должен был, наоборот, убеждать все большее число и его собственных сторонников в несостоятельности его ультра-«пацифистской» позиции?

Известную роль сыграло, несомненно, отсутствие Блюма, которому болезнь помешала участвовать в работах Совета и руководить его большинством. Не без влияния остались, конечно, и те «отрадные» явления, которые отмечала в по-

следние дни вся пресса (выступления Рузвельта, более твердая позиция Англии, некоторый отпор притязаниям фашистской «оси» со стороны Польши, Венгрии, Румынии, активное воздействие английской и французской дипломатии на генерала Франко, единогласное избрание «мирного» папы и т. д.) и значение которых, в смысле утихомирения и отступления германо-итальянского фашизма, она страшно раздувала, создавая оптимистическое представление об «успехах» политики мира, шествующей по «мюнхенским» путям. И, наконец, хорошую стратегическую позицию для «пацифистского» меньшинства создавал тот практический вопрос, на котором оно заставило большинство «принять бой»: вопрос о созыве международной конференции для общего регулирования всех вопросов, неразрешенность которых создает военную опасность.

В своем абстрактном виде, как своего рода панacea, которая сразу все уладит, всех удовлетворит, у всех отнимет всякий «предлог» для воинствующего авантюризма и которая вдобавок, имея весьма «практический» вид, избавляет на сегодня от необходимости давать конкретные ответы на ежедневно встающие конкретные вопросы, — в таком абстрактном виде идея конференции представляется слишком соблазнительной, чтобы не привлечь к себе многие и многие сердца, сжимающиеся в страхе перед лицом изо дня в день нарастающей военной опасности, но не видящие никакого другого выхода из того кровавого тупика, в который заводит человечество, и прежде всего Еврепу, германо-итальянский фашизм: в том психологическом состоянии, которое создается всею современною обстановкою и нарочито поддерживается правительствами и правительственной печатью, люди не очень-то склонны задумываться над теми реальными условиями, в которых такая конференция могла бы — не то чтобы иметь некоторые шансы на успех, но хотя бы не оказаться тем толчком, который и приведет в движение лавину войны. В другой связи приходилось уже отмечать то опасно-скептическое настроение, которое встретила на последней сессии Исполкома РСИ идея конференции, и тогда уже выдвинутая французскими товарищами. Но во Франции — надо думать, в связи с страстным желанием найти общую для всей партии платформу и в области внешней политики — как раз идея конференции стала тем пунктом, на котором формально сошлись большинство и меньшинство, и именно эта идея была выдвинута за 2-3 дня до Совета единогласным постановлением парламентской фракции в письме, адресованном ею главе правительства. Но, раз все согласилось на том, что конференция есть путь, и притом чуть не единственный путь к миру, то ораторам меньшинства было нетрудно придавать подчас всему «бою» на этой почве по существу ложный, но по видимости для большинства невыгодный характер спора между «действительными» сторонниками конференции, а потому и мира, и людьми, которые признают конференцию лишь «на словах», а на деле срывают ее предварительными «условиями», тем самым «доказывая», что они, если и не «хотят» войны, то во всяком случае считают ее неизбежной, «фатальной».

Такой характер и действительно не раз принимали прения на Совете, и надо сказать, что и самый текст внесенной и проведенной большинством резолюции недостаточно почитался с необходимостью предотвратить возможность такого превратного истолкования позиции большинства. Но большинство могло бы предотвратить возможность такого истолкования, лишь обосновав свою позицию в вопросе о борьбе против фашизма и за мир в условиях современной эпохи гораздо более принципиально (в наше время это называется «теоретически»), чем оно это делало и делает до сих пор. В отсутствие принципиального обоснования новой позиции социализма в борьбе за демократию и мир, исходящего из анализа экономического и социального развития капиталистического мира и складывающегося на почве этого развития нового соотношения классовых сил, и заключается причина относительной идейной слабости партийного большинства, в свою очередь объясняемая неоднородностью этого большинства: в нем смешаны две струи — «бургфриденская» и, если можно так выразиться, «социально-революционная», и смешаны при этом не на основе сознательного компромисса и союза, а, наоборот, на основе замалчивания различия во взглядах, всегда опасного для движения, силу свою черпающего в «высказывании того, что есть».

Эти две струи существовали с самого зарождения Народного Фронта, который для одних был предреволюционной мобилизацией сил трудящихся классов вокруг пролетариата для борьбы с фашизирующими силами капитала, а для других лишь новой оболочкой старой политики «левой коалиции». Они существовали и тогда, когда партия, в рамках Народного Фронта, начала менять свою традиционную, абсолютно «пацифистскую» политику в вопросах мира и войны, приняв выдвинутую Блюмом идею «национальной» концентрации. И тут для одних шла речь все о той-же предреволюционной мобилизации трудящихся — теперь в сфере внешне-политической, для других о возврате к политике

«священного единения». Но только в начале этого поворота партийное большинство устами Блюма подчеркивало, что речь идет именно о чем то, совершенно отличным от «священного единения», — о концентрации сил нации не вокруг буржуазии, а вокруг пролетариата, как в начале возникновения самого Народного Фронта подчеркивалось, что он не имеет ничего общего с вульгарной «левой коалицией», и что народно-фронтное правительство будет «не таким, как другие». Между тем в дальнейшем своем развитии (и именно на почве замалчивания «принципиальной» постановки вопроса во имя сохранения доброго мира внутри партии и внутри самого большинства) самая идея Народного Фронта стала все чаще толковаться в смысле вульгарной коалиции, как идея предложенной Блюмом национальной концентрации — в смысле «священного единения».

Эта принципиальная неясность и необоснованность позиции большинства идет целиком на пользу «пацифистскому» меньшинству. Оно в вопросах мира и войны сохраняет **старые** формулы и лозунги, которые в **старые** ныне времена последней мировой войны имели действительно социальное-революционный смысл, были формулами и лозунгами классовой борьбы пролетариата против военной политики буржуазии. Нужды нет, что совершенно изменившаяся мировая ситуация не только лишила старые формулы и лозунги их прежнего содержания, но вложила в них содержание прямо противоположное. Нужды нет, что из орудия борьбы против буржуазии они стали орудиями капитуляции перед нею и ее политиками, действительным прикрытием старого «священного единения». Поскольку большинство не основывает свою новую позицию на анализе новой эпохи в развитии капиталистического мира, меньшинство может пользоваться и не без успеха пользуется старыми формулами и лозунгами, чтобы изображать свою позицию, как прямое продолжение политики Циммервальда, как отказ пролетарских социалистов встать на сторону одних империалистов против других и звать пролетариев нести свои жизни на службу «отечественным» капиталистам против капиталистов «иноземных». Именно этою аргументацией меньшинству удалось привлечь на свою сторону немало «воздержавшихся», среди которых многие были настроены несомненно революционно и социалистически, хотя и утопически-пивертски, как ему удалось привлечь его на свою сторону и большие кадры социалистической молодежи. Освободить эту молодежь и революционно настроенные элементы партии одновременно и от революционного утопизма, и от пленения «пацифистскому» меньшинству большинство сможет лишь в том случае, если выдвинет перед ними другую, не утопическую, а реалистическую **революционно-социалистическую перспективу**. И лишь тогда оно поставит и свой собственный «активизм» на твердую почву классовой борьбы.

Разрыв с политикой замалчивания принципиальных вопросов и внесение принципиальной ясности в свою собственную позицию нужны большинству и с другой точки зрения. Обратим внимание на голосование по поднятому Арнолем вопросу о фактической приостановке «единства действий» с коммунистами. За резолюцию Арноля было подано 3.330 голосов, за резолюцию Жиромского — 1.387, и воздержавшихся оказалось 2.642. «Воздержавшиеся» в данном случае — это та часть большинства, которая не разделяет прямой-нейшей позиции Жиромского в этом вопросе, хотя и стоит вполне определенно за сохранение «единства действий». Сложим их голоса с голосами сторонников Жиромского и мы получим почти с математической точностью то-же самое разделение голосов, что и по вопросу о внешней политике, с той лишь разницей, что 200 воздержавшихся по этому последнему вопросу в данном случае голосовали вместе с противниками «единства действий». Здесь опять-таки очень ясно и очень пагубно сказались последствия той политики «умолчания», которую практиковали сторонники сближения с коммунистами, когда, справедливо опасаясь смещения своей критики большевизма с тем специфическим «анти-большевизмом», который является в наше время прикрытием фашистской контр-революции, не нашли ничего лучшего, как отказаться вообще от всякой критики большевизма даже в его сталинском вырождении, т. е. на деле предоставить эту критику противникам борьбы за единство: путь «наименьшего сопротивления» и в этом случае оказался наименее «практичным», ибо привел на деле как раз к обратным результатам, чем те, которых от него ожидали. И он в то же время дал сторонникам меньшинства возможность использовать в интересах своего специфического пацифизма и то вполне законное отталкивание от сталинизма, которому партийное большинство не захотело или не смогло дать подлинно пролетарского, революционного и социалистического выражения.

С какого конца ни подойти к проблемам французского социализма, придется признать, что то, что ему нужно сейчас больше всего, — это самопознание, переход от чистого эмпиризма к политике, принципиально обоснованной и вы-

держанной. И с этой точки зрения величайшую важность имеет высказанная Венсен Орионом мысль о необходимости для партии, вместо полудюжины «фракционных» газет, создать, наконец, единый и серьезный теоретический орган, в котором все партийные течения могли бы основательно и в то же время дружески дискутировать принципиальные вопросы движения. Следует всячески желать скорейшего осуществления этой мысли, ибо, если социалистическая политика без прочной принципиальной основы вообще невозможна, то вдвойне невозможна она без такой основы в эпоху, которая непосредственно ставит перед рабочим классом задачи мирового и исторического масштаба.

Ф. Д.

#### АНГЛИЙСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ О «НАРОДНОМ ФРОНТЕ»

25 января Исполнительный Комитет Британской Рабочей Партии исключил из партии одного из своих сочленов, сэра Стэффорд Криппса. Криппс начал вести от своего собственного имени кампанию внутри Рабочей Партии за образование Народного Фронта, отклоненного большинством Исполкома и съезда, и разослал по всем местным организациям партии подробный меморандум с изложением доводов в пользу такого образования. Исполком пытался побудить Криппса взять меморандум обратно, но это ему не удалось, и тогда он 18 голосами против 1 (т. Эллен Вилькинсон) исключил Криппса из партии.

В связи с делом Криппса Исполком Р. П. составил в свою очередь два меморандума (в мае 1938 г. и в феврале 1939 г.), опубликованные ныне в Информационном Бюллетене секретариата РСИ и представляющие большой интерес для понимания политики Рабочей Партии.

Первый из этих меморандумов, разосланный организациям партии в начале предпринятой Криппсом кампании за Народный Фронт, посвящен главным образом тем **практически-политическим** соображениям, которые заставляют Р. П. отвергать Народный Фронт.

Меморандум начинается с указания на критический характер переживаемого момента, особенно в международном отношении, и на «невежественность и опасность» той внешней политики, которую ведет правительство Чэмберлена. Как можно скорее удалить это правительство, — в сущности этой задачи авторы официального меморандума вполне сходятся с теми, кто, как Криппс, именно для этой цели предлагает образование «Народного Фронта» или «Демократического Союза Мира», т. е. коалиции Рабочей Партии с либералами, частью консерваторов, недовольных внешнею политикою Чэмберлена, коммунистами и, буде она на то паче чаяния согласится, Независимую Рабочую Партию.

Но меморандум Р. П. утверждает, что на путях Народного Фронта поставленная цель достигнута быть не может: его образование не изменит соотношения сил в парламенте, где преобладающее большинство консерваторов поддерживает и будет поддерживать Чэмберлена и где поэтому невозможно будет добиться замены нынешнего «национального» правительства другим. Что же касается тех избирательных выгод, которые должен дать Н. Ф., то сторонники его, с одной стороны, недооценивают избирательно-политических успехов самой Р. П., а, с другой, не учитывают постепенного схождения на нет и ненадежности либералов, расколотых на две группы и склонных поддерживать консервативную реакцию против Р. П., и того пагубного влияния, какое оказал бы на избирателей союз Р. П. с коммунистами, именно в области внешней политики получающими директивы со стороны: «союз с коммунистами мог бы дать пару тысяч голосов, но он отбросил бы миллионы в объятия Чэмберлена». Не принося таким образом никаких избирательных выгод Р. П., Народный Фронт, означающий отказ от традиционной политики независимости партии, внес бы лишь смуту в ее собственные ряды и не усилил, а ослабил бы ее шансы на успех в борьбе с правительством и политикой Чэмберлена.

Но, если бы даже расчеты на победу народно-фронтальной коалиции на выборах оказались правильными и образованное на ее основе правительство располагало бы в парламенте, как думает Криппс, большинством голосов в 50, то какое значение это имело бы в условиях, когда и внешне-политические проблемы и борьба с внутренней реакцией требуют последовательных, твердых и смелых решений? Как могло бы принимать такие решения коалиционное правительство, участники которого не были бы объединены ни целью, ни методами и в котором Р. П. имела бы таких ненадежных партнеров, как коммунисты, с одной стороны, и либералы, с другой?

Таким образом идти на коалицию значило бы со всех точек зрения идти на верное поражение, и меморандум Р. П. высказывается решительно за то, чтобы и на выборах, и в правительстве партия сохранила свою независимость.

Но, помимо этих практически-политических соображений, партия приводит и ряд **принципиальных** доводов против своего участия в Народном Фронте.

Уже первый меморандум подчеркивает, что точка зрения Криппса требует «отказа партии от ее социалистических принципов», между тем как «дорога к миру ведет через социализм», и заканчивается пламенным призывом «не заключать никаких компромиссов за счет наших социалистических убеждений, а, наоборот, с обновленной силой бороться за торжество наших традиционных идеалов», потому что «никогда еще не было так ясно, что их осуществление является предпосылкой демократии и мира, и никогда еще не было так необходимо служить этим идеалам с несокрушимым мужеством и железною решимостью!»

Второй меморандум ограничивается несколькими дополнительными замечаниями о мотивах практического характера заставляющих Р. П. отвергать Н. Ф., отсылая в этом отношении читателей к первому меморандуму. За то он подробно развивает ту принципиальную позицию, которая в первом была, как мы видели, только намечена.

Он начинается с указания, что сторонники Н. Ф., в сущности, рекомендуют партии «чисто либеральную политику», а между тем «современные внутренне- и внешне-политические проблемы слишком серьезны, чтобы их можно было разрешить простым возвращением к либерализму... Без смелого применения социалистических принципов с большинством тех существенных трудностей, которые угрожают нам, справиться нельзя». Свою избирательную программу Криппс противопоставляет тому «отвлеченному социализму», за который «упорно держится Р. П.». В ответ меморандум указывает, что избирательная программа Р. П. вовсе не «отвлеченна», так как еще в своем манифесте от 29 октября 1938 г. ее Исполком опубликовал вполне конкретную платформу, но что действительно, по мнению Р. П., «капитализм», в который верят консерваторы и либералы, является одним из главных корней войны и фашизма, и ничего не понимает в социализме тот социалист, который это отрицает или игнорирует, как нечто не существенное.

Заканчивается меморандум заявлением, что на самостоятельности Р. П. надо настаивать не по сектантски-партийным основаниям, а потому, что в действительности существует лишь одна альтернатива: «национальное» правительство» правительства того типа и характера, которые представлены Чэмберленом, или правительство Рабочей Партии: **ничто третье не дано!** Поэтому партия со спокойною совестью зовет сплотиться вокруг Р. П., «пока еще не поздно», всех, кто действительно хочет «победы демократии и мира».

Два замечания к этому краткому изложению содержания меморандумов наших английских товарищей.

Первое: в Англии, как заметят читатели, вопрос о «Народном Фронте» ставится как вопрос чисто избирательной и парламентской коалиции, а отнюдь не как проблема классового сплочения масс, далеко выходящего за парламентские рамки и имеющего революционный или предреволюционный характер, как она ставилась при возникновении движения Н. Ф. во Франции.

Второе: «идеология», которою оперируют меморандумы в борьбе с Криппсом и его сторонниками, имеет мало общего с той принципиальной позицией, которую занимают объективно официальные представители Британской Р. П. в Социалистическом Интернационале и которая особенно ярко проявилась в недавней дискуссии по вопросу о борьбе за демократию и мир. Это свидетельствует, повидимому, о том, что в широких рабочих массах и, в частности, в лаборатористских массах достаточно сильно распространены настроения другого порядка, с которыми вождям Р. П. и приходится считаться, когда они обращаются к этим массам.

Д.

#### АНТИСЕМИТИЗМ В ВЕНГРИИ.

В статье о Восточной Европе, помещенной в органе наших австрийских товарищей, тов. П. Кери делает небезынтересные сообщения об источнике и характере венгерского антисемитизма. Мы даем ниже перевод этой части статьи тов. Кери.

В то время, как Югославия и Румыния в ходе серьезного европейского кризиса могут еще изменить свое направление под воздействием энергичного поворота в политике западных держав, Венгрия подпала под власть зубчатого креста целиком и безвозвратно. Присоединение к анти-коммунистическому пакту было внешним проявлением утери венгерской независимости. Империалистически-ревизионистская политика стала могильщиком венгерской свободы. В Венгрии нет ни одной партии, не поддавшейся гипнозу единственного ревизионизма, и даже трудящиеся вновь присоединенных чехословацких областей, потерявшие работу, пособие при безработице, избирательное право, все свободы, в большинстве своем оказываются околдованными этим миражем. Но кто говорит: ревизия, тот должен кричать: здравствует гитлеровская Германия! — иначе это быть не

может! Линия Бетлена: с Германией, но против зубчатого креста — превратилась в бумажную иллюзию. Венгрия обязана ныне Германии природою в миллион душ. И хотя решение Германии удержать Карпатскую Русь для самой себя и было горьким разочарованием, но зато Венгрия надеется с ее помощью вернуть еще себе значительные части Румынии. Эта непрерывная цепь ревизионистских планов приковывает Венгрию к зубчатому кресту.

Уже в течение ряда лет регламентация венгерского хозяйства совершается в рамках берлинских хозяйственных планов. Частью это делается в интересах вооружения, но частью объясняется тем, что известные круги, поднимающиеся слои средних классов, стремятся к заложению доходных мест путем бюрократизации хозяйства. В то время как в свободном хозяйстве решающую роль играют капитал, опыт, коммерческие способности, в бюрократизированном хозяйстве можно дорваться до больших доходов без капитала и без действительного знания дела. Свободное хозяйство в Восточной Европе — это сфера евреев, бюрократизированное — антисемитов. Бюрократизации содействует союз с государствами фашистской оси, между тем как западные державы поощряли до сих пор свободное хозяйство. Отсюда — все более бешеная травля евреев, отсюда тяготение к зубчатому кресту и фашизму. Но при этом прикованное к Третьему Рейху бюрократизированное хозяйство безнадежно разоряет страну. Поскольку Венгрия сама имеет значительную промышленность (к которой Германия, как она открыто о том заявляет, никакого интереса не имеет), обменная торговля с Германией может быть налажена прочно и длительно лишь при условии замирания венгерской промышленности. В нацистских кругах уже и сейчас говорят, что промышленность в Венгрии — это еврейская затея, которую следует прекратить. А так как Венгрия является одною из наиболее густо населенных аграрных стран и существующие латифундии делают невозможным действительно интенсивное земледельческое хозяйство, то уже теперь бедствующий пролетариат был бы осужден при замирании промышленности на голодную смерть. Правда, наци и в Венгрии агитируют аграрно-реформистскими лозунгами. Но фактически ни в одной из программ различных фашистских партий не говорится о разделе гигантских имений, а лишь о разделе еврейского землевладения, составляющего в Венгрии не более 1,1%. С таким треском возвещенная аграрная реформа Имреди сводилась на деле лишь к созданию некоторого числа мелких арендаторских хозяйств в латифундиях, т. е., в нынешних венгерских условиях, по существу к созданию новых крепостных. Национал-социализм не хочет раздела крупного землевладения в Венгрии. Ему довольно хлопот с крестьянами в Германии; в Венгрии он стремится создать на больших сплошных площадях земельное хозяйство, которое можно было бы вести на полугосударственных началах в интересах германского военного хозяйства. Поэтому и фашистская демагогия в деревне направлена не столько на раздел земель, сколько, в первую голову, на антисемитизм.

Другая причина все более дикого и безудержного антисемитизма заключается в стремлении целого слоя мелких классов дорваться до пирога под флагом борьбы за расовую чистоту. В Венгрии, как и во всей Восточной Европе, высшие классы породнились с богатыми евреями. Нет почти ни одной так называемой дворянской семьи, в которой не было бы еврейской бабушки. Наоборот, потомки разбо-

гатевших крестьян, сельских нотариусов и кабатчиков, т. е. сыновья «кулацких» семей, вернувшиеся с войны офицерами и игравшие значительную роль в контр-революции, по части еврейства абсолютно «чисты». Они-то и стучатся в двери с лозунгами расовой чистоты на устах, чтобы и на свою долю добиться хороших и доходных мест. Кто не подпускает их к пирогу, того они разоблачают, как еврейского отпрыска. Этот натиск под знаком расовой чистоты на слой, имеющий основание трепетать за еврейскую бабушку, принял характер настоящей «классовой борьбы» внутри реакционных средних слоев. Обе группы хотят нацизма: устроившиеся — ради управляемого, бюрократизированного хозяйства, жаждущие — чтобы дорваться до должностей и доходов. Но эти две группы сторонников нацизма друг с другом борются. Хорти стоит больше за «дворянский» оттенок, но не хочет окончательно поссориться и с «кулаками», особенно потому, что, в отличие от Германии, офицеры армии черпаются почти исключительно из этого «кулацкого» слоя.

## В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ.

В интервью, данном органу аргентинской социалистической партии, социалистический депутат **Боливи**, Фернандо Сигани сообщил небезинтересные данные о политической жизни в Боливии.

Основным вопросом является возвращение народу его достояния, захваченного иностранными империалистами. Первым шагом в этом направлении была экспроприация нефтяных источников, принадлежавших Стандарт Ойл, и интриги этой компании вряд-ли помогут ей аннулировать совершившееся. Народные массы Боливии ненавидят не только тоталитарные режимы, но и иностранный империалистический капитализм.

Народное правительство полковника **Буша** провело следующие мероприятия в интересах боливийских рабочих: обязательное участие в профессиональных союзах, право стачек, экспроприация неиспользуемых имений, пенсии на случай старости и т. д. Впервые в истории Боливии рабочие получили возможность свободно организовываться для защиты своих классовых интересов. Рабочий класс и народные массы защищают правительство Буша против реакционного меньшинства, нелавно предпринявшего, по наущению эмиссаров Гитлера и Муссолини, авантюристскую попытку восстания. Только неосведомленность и отсутствие интереса за границы к жизни Боливии позволяют заинтересованным агентствам прессы распространять легенды о режиме тотального угнетения, имеющем будто бы место в стране.

Что касается социалистической партии, то она в Боливии только приступает к своей организации. Тяжелые условия, в которые было поставлено социалистическое движение в нелавном прошлом, достаточно объясняют такое положение. Но та решительная поддержка, которую оказывают партии рабочие и честные интеллигенты, укрепляет веру в Синани в будущее. Война была для боливийского народа одновременно и испытанием и жестоким уроком.

В декабре избрала новый Исполнительный Комитет социалистической партия **Уругвая**, обратившаяся по этому случаю с выражением солидарности к социалистической партии **Аргентины** и выразившая пожелание об установлении тесного контакта между обеими партиями.

# По России

## РАЗГРОМ ЕВРЕЙСКИХ КОММУНИСТОВ.

В настоящее время можно подвести уже некоторые итоги грандиозному разгрому коммунистов, действовавших в области так наз. «еврейской работы» в СССР, совершенному за 1936-38 гг. Смерть Литвакова и Эстер-Фрумкиной в тюрьме, самоубийство — в тюрьме-же — А. Вайнштейна-Рахмизля, арест комиссара по еврейским делам Лиманштейна, закрытие руководящих органов коммунистической прессы на еврейском языке, «Эмеса» в Москве и «Октябрь» в Минске, завершают процесс «чистки» еврейской коммунистической среды от деятелей, оказавшихся не ко двору в эпоху сталинизма.

Мы говорим: завершают, потому что сейчас уже подлинно не осталось ни одного сколько-нибудь видного имени среди коммунистов, в какой-либо мере связанных с «еврейской работой». Еще уцелели кое-какие беллетристы и поэты, подхалимствующие с усердием, достойным лучшего применения, и, подобно своим иноязычным собратьям, славословящие гений «хозяина», — Бергелсон, Маркиш, Квитко и др. Но все остальные еврейские коммунисты — не только выходцы из

других партий (бывшие бундисты, сионисты, анархисты), но и немногие «старые большевики», — объявлены врагами народа, шпионами, диверсантами, агентами Гестапо, контр-революционерами, троцкистами и национал-демократами. Не только поколение людей, сформировавшихся до революции, и участников гражданской войны, но и все сколько-нибудь выдвинувшиеся деятели второго и даже третьего поколения еврейских сталинцев не пощажены террористической машиной. На основе почти исключительно официальных материалов нам удалось установить список примерно в **100 еврейских коммунистов**, преданных огню и мечу: весь еврейский коммунистический актив начисто срезан диктатурой! В так наз. «еврейской политике», в общественности, в журналистике, в науке, особенно — исторической, в сфере еврейской культуры и школы не осталось буквально ни одного сколько-нибудь известного деятеля. Не удивительно, что пришлось закрыть газеты; писать в них и редактировать их стало некому. Не удивительно, что за последние 5-6 лет (в сущности, с 1932 г.) в СССР не вышло ни одной научной книги на еврейском языке, а все вышедшие до того работы, имевшие отно-

сительно высокую ценность (книги Бухбиндера, Рафеса, Киржяница, Курского и др.) были изъяты из обращения.

Не приходится, конечно, переоценивать культурный уровень и общественную квалификацию тех, кто осуществлял в еврейской среде «диктатуру пролетариата» в течение первых двух десятилетий. И эти деятели были достаточно деморализованы и коррумпированы, и за каждую крупницу своего соучастия в системе и аппарате и они вынуждены были платить лошадиными дозами «применения к подлости». Но достаточно все-же вспомнить имена Вайнштейна, Фрумкиной, Диманштейна, Литвакова, Чемерисского, Мережина, Либерберга и многих других, чтобы признать, что, в сравнении с нынешними «ежовскими молодцами», ликвидированные еврейские коммунисты представляли собою подлинную «аристократию духа».

Лихорадка кровавой «чистки», оргия судов Линча, спорадически возобновляясь, пронеслась по всем пунктам страны, где живут компактные еврейские массы или где находились руководящие центры еврейского коммунизма: Москва, Минск, Киев, Харьков, Одесса, Витебск, Смоленск... Многие мелкие города, как и новые индустриальные центры вне бывшей «черты» (где сейчас живет до 40% еврейского населения), также не избежали полосы огня. Но особенно пострадал Биробиджан, эта незадачливая затея бюрократического советского творчества, в течение ряда лет, с благословения Сталина и Калинина, оказавшаяся в «центре» еврейской национальной жизни и мысли в СССР: три «президента» этой республики (Либерберг, Катель, Геллер) один за другим были сняты с постов и ликвидированы; 4-5 партсекретарей Биробиджана сменили друг друга, чтобы попасть в тюрьму или перейти в лучший мир, — Хавкин, Аншин, Я. Левин, Рыскин...

Август 1936 года — дни процесса Зиновьева — оказался роковым для еврейских коммунистов. День, когда прибывший в Москву Либерберг был, можно сказать, прямо с торжественного приема у Калинина в Кремле увезен в ГПУ, а затем поставлен к стенке, — этот день является началом тех новых гонений на еврейских коммунистов, которые привели, в сущности, к их окончательной ликвидации. Никто не может, разумеется, назвать точной цифры еврейских коммунистов, раздавленных железною пятою Сталина. Но нет сомнения, что многие тысячи еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции пали жертвой последнего пароксизма кровопускательства в СССР. Кто из них расстрелян или иначе обрел успокоение в обители смерти, кто еще жив и сидит в тюрьме, — об этом можно лишь гадать. О превращении Мережина и других видных деятелей во «врагов народа» мы узнали лишь через несколько лет из статьи Диманштейна в «Эмес» от 1937 г. О ликвидации Эстер-Фрумкиной мы могли догадаться лишь в связи с нашумевшим протестом А. Вайнштейна в ноябре 1937 г. (см. № 13/14 «С. В.» за 1938 г.). Об устране-

нии Литвакова, в течение 16 лет редактировавшего «Эмес», поведана лишь замена его анонимной «редколлегией» в октябре 1937 г. Об опале комиссара Диманштейна рассказала «Эмес» только в январе 1938 г. О расстреле руководителей Биробиджана стало известно после неоднократного упоминания о них, как о «японских шпионах». И т. д. Советский читатель лишь между строк может узнавать о судьбе тех, кто в области «еврейской работы» в течение десятилетий стоял у руля. А о самоубийстве в тюрьме Вайнштейна и смерти Эстер и Литвакова, связавших свои имена со всей историей еврейского рабочего движения, он, конечно, и до сих пор не знает...

Закончим эту заметку списком (конечно, неполным) наиболее известных из ликвидированных еврейских коммунистов:

**Политические деятели:** М. Литваков, М. Фрумкина-Эстер, А. Вайнштейн-Рахмиэль, С. Диманштейн, Мережин, Чемериский, Кипер, Хавкин, Я. Левин.

**Деятели журналистики и науки:** Дунец, Шпрах, Агурский, Ошеревич, Цви Фридлянд, Хашиш, Волобровский.

**Деятели культуры:** Эрих, Бронштейн, Юдельсон, М. Левин, Хвиля, Рохкин, Хаим Гильдин, Либерберг.

**Руководители Биробиджана:** Либерберг, Хавкин, Катель, Геллер, Аншин, Рыскин, Я. Левин, Шварцберг, Швайнштейн, Фурер, Губерман, Хабинский, Лапицкий, Идов.

**Деятели «Озета» и «Комзета» (по землеустройству евреев):** Трахтенберг, Пляцкий, Б. Троцкий, Замеев, Каганов, Либерзон, Маневич, Ландер.

**Деятели литературы и искусства:** Абчук, Лев Зискинд, Зарецкий, Шведик, Грубьян, Мильтянский, Дехтяр, Фельдман, Рафальский...

Григорий Аронсон.

#### ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Русские Записки. Кн. 14. Февраль и 15, Март.

*Neue Front*, Jahrgang 7, Heft 3.

*Nouveaux Cahiers*, N° 39, 40.

*Proletarian Outlook*, Vol. 4, Nr. 10, 11, 12. From Weimar to Hitler. By Wendelin Thomas.

*La Révolution Proletarienne*, N° 289, 290.

*SIB. Sozialdemokratischer Informations-Brief*. Herausgegeben vom Auslandsbüro «Neu Beginnen». Nr. 44.

*Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands*. 1939. Nr. 1.

*Der Sozialistische Kampf*, Nr. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г. НА ЖУРНАЛ

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

19-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца

**ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:** для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

**ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №:** для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

#### ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) *L'Almanach populaire pour 1939* или
- 2) *Otto Bauer*. — *Die illegale Partei* или
- 3) *L. Blum*. — *L'exercice du pouvoir*.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно